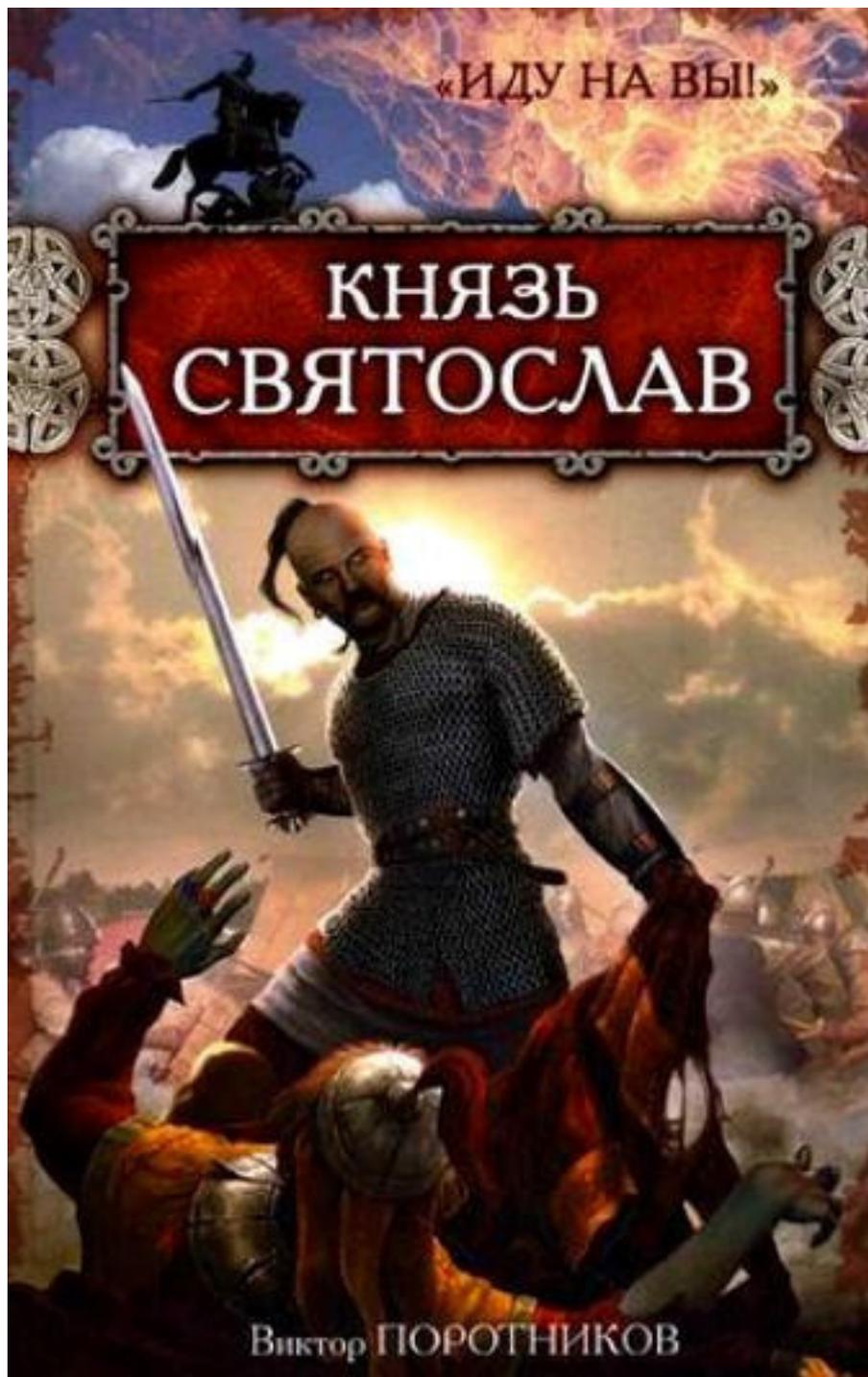

«ИДУ НА ВЫ!»

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ

Виктор ПОРОТНИКОВ

Русь изначальная

Виктор Поротников

Князь Святослав. «Иду на вы!»

«Яуза»

2009

Поротников В. П.

Князь Святослав. «Иду на вы!» / В. П. Поротников — «Яуза», 2009 — (Русь изначальная)

«Иду на вы!» – предупреждал он своих врагов, отправляясь в поход. Под его началом русское войско прошло от вятских лесов до Кавказских гор, не зная поражений. Он стер с лица земли хищный Хазарский каганат, покориł волжских болгар и буртасов, разгромил воинственных ясов и касогов, не разбил печенегов, наводил ужас даже на могучий Царь-град. Византийская армия так и не смогла одолеть русские дружины в многодневном сражении на Дунае. Заключив с Константинополем почетный мир, Святослав отплыл обратно на Русь. Но вернуться в Киев ему было не суждено... Дальние походы и жестокие сечи, набеги кочевников и византийские козни, русские мечи против степных сабель и «греческого огня», громкие победы и воинская слава, легендарная жизнь и безвременная смерть – в новом романе о величайшем полководце Древней Руси!

© Поротников В. П., 2009

© Яуза, 2009

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	50
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виктор Поротников

Князь Святослав. «Иду на вы!»

Часть первая

Глава 1

Посол из Царьграда

Был год 965-й...

В то лето объявился в Киеве ромейский посол Калокир. Русь и империю ромеев связывали давние отношения. Со времен Олега Вещего, совершившего победоносный поход на Царьград, ромеи были вынуждены считаться с крепнущим государством русов. В Царьграде лелеяли мечты о распространении на Руси христианства православного толка в противовес католическому Риму, где тоже имелись виды на Русь и ее богатства. Немалая тревога появилась в окружении патриарха ромеев, когда княгиня Ольга нежданно-негаданно пригласила на Русь германских священников. В Киеве монахам-латинянам было разрешено основать свой приход, во главе которого был поставлен епископ Адальберт, доверенный человек германского короля Оттона. Это было явно на руку папе римскому. Два года прожил в Киеве пронырливый Адальберт. Никто не мог понять, чем он сумел расположить к себе княгиню Ольгу, которая сама пожелала принять православную веру сразу после смерти своего мужа, князя Игоря.

И вдруг случилось еще более непредвиденное. Святослав, сын Ольги, до сей поры лишенный власти, устроил резню в Киеве. Дружина Святослава перебила всех хазар, живших в городе, а заодно и германских священников. Адальберта Святослав отпустил с миром, но предостерег его, чтобы он впредь на Руси не смел появляться.

Святослав отстранил от власти свою мать и занял княжеский трон. Никифор Фока, василевс ромеев, направил посла в Киев, желая выяснить, станет ли Святослав соблюдать договор с Империей, заключенный еще его отцом. Ромеи вели долгую и тяжелую войну с арабами на востоке. На западе ромеям грозил германский король Оттон, завоевавший большую часть Италии и коронованный в Риме как император Священной Римской империи. Император ромеев не желал признавать германского императора как равного себе, ибо греки считали немцев полудикими варварами. Принятие немцами христианства в латинской форме, конечно, возвышало их над племенами язычников, полагали ромеи. Тем не менее, стать вровень с богоизбранным народом, исповедующим истинную веру и создавшим великую ромейскую державу, грубоватые подданные Оттона все же не могли при всем желании. Ромеи всячески подчеркивали это, общаясь с послами германского императора или папы римского.

Оттон не скрывал того, что претендует на владения ромеев в Южной Италии. В воздухе пахло войной. Никифор Фока был не готов к войне с Оттоном, поэтому его посол и оказался на Руси. В Царьграде очень надеялись, что после избиения германских монахов Святослав пойдет на военный союз с ромеями против германского императора.

Однако Калокира ждало разочарование. В княжеском тереме с ним разговаривал не князь Святослав, а его сводный брат Улеб. В отличие от Святослава, Улеб был христианином. Он принял обряд крещения еще в молодые годы вместе с княгиней Ольгой. Улеб был старше Святослава, поэтому он не скрывал своей досады, что княжеский трон достался не ему.

Улеб сидел на стуле с подлокотниками и высокой резной спинкой. Перед ним на столе, укрытом белой льняной скатертью, стояла разнообразная снедь: пироги с капустой и грибами,

рыбные расстегаи, клюквенный студень, жареная утка, тушенная в меду репа... В серебряной чаше светилось янтарное греческое вино. Только Улеб не притрагивался ни к еде, ни к питью. Угрюмо облокотившись на край стола, он жаловался послу на свое житье-бытье.

Сидевший за этим же столом Калокир не отказал себе в удовольствии угоститься обедом в тереме русского князя. Уплетая за обе щеки пироги и расстегаи, Калокир сочувственно кивал головой, внимая Улебу. Юные отроки и девицы в белых льняных одеждах, шлепая босыми ногами по дощатому полу, сутились вокруг именитого заморского гостя, то подливая ему яблочной сыты, то подкладывая кусочек жареной зайчатины, то подавая рушник, чтобы стереть жир с пальцев.

Калокир прекрасно владел языком русичей, поскольку родом был из греческого города Херсона, что на полуострове Таврида. Русичи называли этот город Корсунем. В тех южных краях на берегах Дона и теплого Хазарского моря издавна проживает немало выходцев с Руси. Русские купцы имеют свои подворья не только в Херсоне и Боспоре, но и в самом богатом из тамошних городов – Тмутаракани. Часто общаясь с русичами, Калокир еще в юности выучил их язык. Знал Калокир и наречие хазар, которые владели Тмутараканью и всеми землями от Дона до Волги.

Многие племена платят дань хазарам. До недавнего времени и киевские князья откупались от хазар данью, покуда Святослав не изгнал из Киева хазарского наместника и его слуг. Калокиру было удивительно, что Святослав решился на такую дерзость, по сути дела бросив вызов хазарскому кагану. На что рассчитывает Святослав Игоревич? Неужели он совсем не страшится хазар?

«Надо же! – размышлял Калокир. – У мудрой княгини Ольги и такой безрассудный сын! Наломал дров в Киеве и ушел с войском в поход на вятичей. А вдруг хазары в Киев нагрянут? Из Улеба-то воитель никудышный!»

Улеб словно читал мысли Калокира.

– Сiju я в Киеве, как на угольях, – молвил он с тяжким вздохом. – Воев у меня мало, и восьми сотен не наберется. Всех лучших воевод Святослав забрал с собой. Вся конница тоже ушла со Святославом. Коль беда нагрянет, хоть волком вой.

– Где же княгиня Ольга? – спросил Калокир.

– В Вышгороде, – ответил Улеб. – Сей град в личном ее владении находится. Это от Киева недалече.

– А где жена Святослава? – поинтересовался Калокир и пригубил из чаши яблочной сыты.

– Предслава здесь, в Киеве, – промолвил Улеб и потянулся к чаше с вином. – И дети Святослава тоже в Киеве. За ними еще глаз да глаз нужен! Недружные у Святослава детки, злые, как волчата.

Улеб отпил вина из чаши и сердито добавил, понизив голос:

– Да и вся родня Предславина злая и недружная! Коль Святослав сложит голову в сече, в Киеве такая грызня начнется из-за стола княжеского, встанут род на род с мечами да топорами! Такое уже бывало в прошлом, когда умер Олег Вещий.

Калокир бросил на Улеба быстрый взгляд.

– Ежели вдруг умрет Святослав, то какие у тебя будут права на наследование княжеской власти, друг мой?

Улеб встрепенулся, со звоном опустив чашу на стол. Глаза его засверкали.

– У меня и ныне прав на стол княжеский больше, чем у Святослава и сыновей его! Я старший и законный сын Игоря! – Улеб ударил себя кулаком в грудь. – Моя мать княжеского рода в отличие от безродной Ольги. Ольгу привезли наложницей в Киев. Олег Смелый привез, когда ходил за данью в Псков. В юности-то Ольга была на диво красива! Токмо кроме красоты в Ольге было с избытком хитрости и коварства. Она добила того, что стала женой Олега

Смелого, племянника Олега Вещего. Когда Олег Смелый пал в сражении, то Ольга, как змея, пролезла в опочивальню моего отца, опьянила его своими чарами, усыпила лестью его разум. Мой отец, будучи в ту пору вдовцом, женился на Ольге. Более того, – Улеб опять таинственно понизил голос, – мой отец взял Ольгу в жены уже беременную. Так что Святослав не сын Игоря, а сын Олега Смелого!

Калокир изумленно приподнял брови. Он явно не ожидал услышать такое о знаменитой княгине Ольге, которая во время своей поездки в Константинополь произвела весьма благоприятное впечатление на ромейскую знать. Умом Ольги был восхищен сам император Константин Багрянородный. В конце концов, эта женщина почти двадцать лет единолично управляла Русью после гибели князя Игоря.

Про Олега Смелого Калокир слышал и раньше. Этот воинственный князь принял власть в Киеве, когда Олег Вещий не вернулся из очередного опасного похода за данью в земли кривичей, откуда была родом и Ольга. Олег Смелый не раз ходил на ладьях в дальние походы, его дружина грабила владения ромеев на берегах Пропонтиды, в Пелопоннесе и Малой Азии. Сколько еще хлопот доставил бы ромеям Олег Смелый, если бы он не соблазнился однажды сокровищами Кавказа. В горной стране Арран у города Бердаа Олег Смелый нашел свою смерть в битве с тамошним правителем Марзубаном ибн Мухаммадом. Из войска Олега лишь жалкие остатки сумели вернуться обратно на Русь. Тогда-то князем на Руси стал Игорь, сын Рюрика.

Любознательный Калокир принялся расспрашивать Улеба о Рюрике и его родне. Ромеям было известно, что Рюрик и его родичи не славянского рода, а варяжского. Новгородцы пригласили в свое время к себе Рюрика на княжение. Варяги всегда были отменными воинами, и свои владения они держали крепко. Русичи не прогадали, выбрав себе в князья варягов.

Супругой Рюрика была Ефанда, сестра Олега Вещего. Ефанда родила Рюрику сына Игоря и дочь Сигрид. Когда Рюрик умер, то власть в Новгороде принял Олег Вещий. Сигрид вышла замуж за Олега сына Эйнара.

Со временем Олег Вещий захватил Смоленск и Любеч, потом сел князем в Киеве. Свою сестру Олег вторично выдал замуж за новгородского боярина Гремислава. От второго мужа Ефанда родила сына, назвав его в честь брата Олегом. Прозвище Смелый сын Ефанды получил после первой же битвы, в которой он принял участие пятнадцати лет от роду.

Старший сын Ефанды Игорь за всю свою жизнь так и не выделился ни храбростью, ни воинским умением. Был он жаден до золота, делиться которым не любил ни с дружиной, ни с родичами своими. Игорь имел прозвище Старый, так как завладел княжеской властью уже в шестьдесят лет.

Первой женой Игоря была Ингонда, дочь варяжского конунга Трюгги. Русичи называли этого конунга на свой лад Туром. На реке Припяти в земле дреговичей Тур основал град, назвав его Туровом. Ингонда родила Игорю троих сыновей. Из них выжил один Улеб.

Улеб был женат на Сфандре, дочери Скеглара Тости, ярла Вестерготланда. У него подрастал сын Регнвальд.

– Все мои предки по отцовской и материнской линии из благородного рода, – молвил Улеб, не спуская глаз с посла. – Моя жена происходит из древнего славного рода ярлов Вестерготланда. Не Святослав, а я более достоин княжеской власти. Однако люду киевскому Святослав милее, нежели я. – Улеб криво усмехнулся. – Еще бы! Святослав стоит за языческую веру предков наших, поклоняется Перуну и Дажьбогу. Я же изменник, поскольку отрекся от дедовских богов и надел на шею крест христианский. Так ведь и Ольга долго Русью правила с крестом на шее. Ей это киевляне в вину не ставят.

– Почему бы это? – спросил Калокир.

Улеб пожал широкими плечами.

– Я думаю, народ боготворит Ольгу за то, что она упорядочила дани и оброки, прекратила бесчинства княжеских наместников, – проговорил он после краткой паузы. – Если в прежние

времена князь каждую осень уходил с дружиной в полюдье, то ныне народ сам везет дань на княжеские погосты. К тому же Ольга учредила уставы и уроки. Всякая дань в этих уставах обговорена, и никто не смеет брать больше установленной нормы: ни князь, ни боярин, ни княжеский подъездной. Что и говорить, порядку на Руси стало больше.

– Стало быть, мудрость сильнее меча, – улыбнулся Калокир. – Предлагаю, друг мой, выпить за здоровье княгини Ольги. Долгих ей лет!

Улеб охотно взял чашу и осушил ее до дна. Греческое вино он любил. Калокир сделал лишь глоток от хмельного питья, ибо знал во всем меру. Сетования Улеба на несправедливую судьбу были понятны Калокиру. В империи ромеев нередко случалось, когда ради власти брат шел на брата, сын на отца... Убийство законных наследников трона в империи ромеев было обычным делом. Закон в таких случаях принимал сторону сильнейшего. На Руси, как видно, царил тот же самый закон силы. Калокир только не понимал, почему Святослав оставил в живых Улеба и его сына. Ведь если Святослава постигнет смерть в сражении или от случайной стрелы, то можно не сомневаться, что Улеб сделает все, дабы оставить сыновей Святослава без княжеской власти.

Заговорить об этом с Улебом напрямик Калокир не решался. Он надеялся со временем сам во всем разобраться. Внезапно дверь в трапезную распахнулась и на пороге возникла довольно высокая стройная женщина в длинном лиловом платье до пят. Голова женщины была укрыта белым платком, поверх которого, по славянскому обычаю, возлежала диадема из тисненой кожи. К диадеме с двух сторон над висками незнакомки подвешены серебряные гроздевидные подвески, украшенные сканью. Такие подвески в виде колец с припаянными к ним серебряными бусинами, по три на каждое кольцо, были распространены в Моравии; они так и назывались – моравские подвески. Незнакомка поклонилась Калокиру. У нее были большие серо-зеленые глаза, густые, почти бесцветные брови, прямой благородный нос, пухлые чувственные губы. Слегка удлинённый овал ее лица необычайно гармонировал с прямым носом и высоким открытым лбом.

– Это Сфандра, моя жена, – сказал Улеб.

Калокир вежливо пригласил Сфандру к столу. Он сам придвинул ей стул, налил яблочной сыты. Калокиру сразу бросилось в глаза то, как Сфандра прямо держит спину, сколько грации и величавости в ее движениях, наклоне головы. Она двумя пальцами отщипывала маленькие кусочки от пирога с рыбой и изящно отправляла их в рот. Эта молодая красивая женщина была похожа на прекрасный распутившийся цветок, благоуханная прелесть которого не может никого оставить равнодушным, в особенности мужчин.

Калокир сразу смекнул, что Сфандра появилась в трапезной не случайно. Сфандра без обиняков принялась выспрашивать у Калокира, заинтересован ли василевс ромеев в том, чтобы Русью правил князь-христианин. И готов ли василевс ромеев поддержать ее мужа в его противостоянии со Святославом? Ответ Калокира понравился Сфандре. Конечно, Никифор Фока отдаст предпочтение князю-христианину нежели князю-язычнику. Ромеи готовы поддержать Улеба при условии, что и он не будет бездействовать.

– Я ему о том же твержу! – пылко воскликнула Сфандра, чуть подавшись вперед. – Прежде всего, нужно избавиться от детей Святослава, а муж мой робеет.

– Да ты спятила, Сфандра! – сердито зашипел на супругу Улеб. – На какой тяжкий грех ты меня толкаешь! Иль ты не христианка?

– Гляди, Улеб! – зло прищурилась Сфандра. – Ныне ты нужен Святославу, вот он и щадит тебя. Токмо это до поры!

– Повторяю! – Улеб повысил голос. – Я через кровь не переступлю.

– Заповеди христианские надо чтить, – подал голос Калокир, – токмо убийство убийству рознь. Кто-то убивает корысти ради, а кто-то ради некой высшей цели. К тому же ежели дело

касается близких родичей, то в пролитии крови вовсе нет надобности. Неудобных родственников можно, скажем, ослепить или сослать куда подальше. Это грех небольшой, согласитесь.

Калокир перевел взгляд с Улеба на Сфандру и обратно.

– Не по плечу мне тягаться со Святославом. – Улеб раздраженно отодвинул от себя опорожненную чашу. – У Святослава в дружине витязи один храбрее другого, да и сам Святослав в сече троих стоит. Моя дружина невелика, ибо я набираю токмо христиан, да боярского рода. Святослав же берет к себе и имовитых и безродных, меряя всех бесстрашием и мастерством ратным.

– Не забывай, Святослав поступил не по родовому праву, заняв стол киевский, – холодно вставила Сфандра, не спуская с мужа глаз. – Ты вдвое старше Святослава. Многие бояре киевские горой за тебя встать готовы.

Улеб нервно передернул плечами.

– Знаю я этих крикунов! Они голосисты, покуда Святослав далече, а когда Святослав в Киеве, так вся эта свора помалкивает.

– Сколько Святославу лет? – поинтересовался Калокир.

– Двадцать четыре, – ответила Сфандра.

Калокир изумленно присвистнул.

– Совсем мальчишка!

– Этот младень в сече неустрашим и неудержим, – угрюмо промолвил Улеб. – Святослав из всех походов с победой возвращался, нигде ни разу бит не был. Бог свидетель.

– И много ли воевал Святослав? – спросил Калокир. – На кого он меч обнажал до сего похода на вятичей?

– На севере Святослав воевал с ятвягами, радимичами и кривичами; на юге – с бужанами и уличами, – перечислил Улеб. – Один раз Святослав ходил ратью на печенегов.

– По силам ли Святославу одолеть хазарского кагана?

Повисла пауза. Калокир напряженно ждал ответа.

– Печенегов Святослав разбил, а эти степняки почти все кочевья хазарские к рукам прибрали, – наконец проговорил Улеб. – Уверен, Святослав не уstraшитсЯ скрестить меч и с хазарами.

– Почему хазарский каган не навел свою конницу на Киев? – продолжал допытываться Калокир. – Ведь уже два года прошло после избиения дружиной Святослава хазарских торговцев. Почему медлит с местью повелитель Хазарии?

– Нет у кагана былого могущества, потому и не смеет он мстить Святославу, – вставила Сфандра. – Я сама слышала речи пленных печенегов, взятых Святославом в степи. Похвалялись поганые язычники тем, что примучили хазар, живущих по Дону. В былые времена все пастбища по Северскому Донцу хазарам принадлежали, а ныне там печенеги хозяйничают. Что дальше будет?

– Что правда, то правда, – покивал головой Улеб. – Святослав потому и осмелел, поскольку знал, что в степи печенеги повсюду теснят хазар. Не до Руси ныне хазарам, у них у самих земля под ногами горит.

Вернувшись на подворье греческих купцов, где его ожидали слуги, Калокир погрузился в глубокое размышление. Несомненно, на Руси грядут большие перемены. С таким князем-воителем Русь не станет платить дань ни хазарам, ни печенегам. Святослав уже показал, что он не страшится гнева ни хазарского кагана, ни германского императора. Наверняка и договоры с ромеями Святослав не будет соблюдать, если усмотрит в них что-то несправедливое. Чтобы это выяснить наверняка, Калокиру необходимо дожидаться возвращения Святослава из похода.

На другой день Калокир опять пришел в княжеский терем, желая вручить подарки от василевса ромеев жене и детям Святослава. Княгиня Предслава предстала перед Калокиром в длинном неприталенном платье из синей парчи с золотыми узорами в виде диковинных

птиц. Платье было явно греческого покроя. Голову молодой княгини покрывал легкий белый плат, стянутый на лбу диадемой. Серебряные височные кольца красиво обрамляли овальное лицо Предславы со слегка заостренным подбородком. Это была статная миловидная женщина с большими темно-синими очами и красиво изогнутыми бровями.

Предслава сидела на стуле с подлокотниками, рядом с нею на скамье сидели два ее сына: восьмилетний Ярополк и семилетний Олег. Позади княгини и двух княжичей стояла большая группа знатных девиц и боярынь в богатых одеяниях. У бревенчатой стены на длинной широкой скамье восседали семеро знатных мужей, их длинные волосы и бороды отливали сединой. Один так и вовсе был согбенный годами и белый как лунь.

Слуги Калокира разложили на развернутом персидском ковре дары княгине и ее сыновьям: резную шкатулку из слоновой кости, ожерелье из полудрагоценных камней в золотой оправе, отлитые из меди маленькие фигурки конников.

Княжич Олег, живой и непосредственный, подскочил к подаркам и, присев на корточки, принялся разглядывать игрушечных всадников. В его глазах светились изумление и восторг. Не утерпел и Ярополк. Усевшись на полу рядом с братом, он с жадным любопытством вертел в руках крошечных медных наездников, каждый из которых легко умещался у него на ладони.

Калокир обратил внимание, что старший из братьев удивительно похож на мать. Ярополк был такой же синеглазый, с таким же чуть вздернутым носом, с таким же овалом лица и красиво очерченными губами. Русые волосы Ярополка были заметно темнее, чем у его младшего брата. Олег был более коренаст, более подвижен, у него было круглое румяное лицо и немного оттопыренные уши. От матери княжичу Олегу достались чуть заостренный подбородок и синий цвет глаз. Короткий нос и низкие брови, по всей видимости, передались мальчику от отца.

Разглядывая шкатулку и ожерелье, Предслава поблагодарила Калокира и предложила ему отобедать с нею сегодня после полудня. Седоусые бояре поинтересовались у Калокира, не связан ли его приезд в Киев с избиением монахов-латинян, учиненным волею Святослава. Бояре не одобряли жестокость своего князя, но и поведением немецких монахов они были очень недовольны. С их слов выходило, что немецкие проповедники занимались развратом, умыкали девиц и совсем юных мальчиков.

«Гнев киевлян подтолкнул Святослава к кровопролитию, – молвили бояре Калокиру. – Латиняне вздумали было искать защиты у хазарских купцов, у тех крепость была возведена на горе Щекавице, где хранились их товары и золото-серебро. Токмо киевляне разнесли эту крепость по бревнышку, перебили и монахов, и купцов хазарских, и стражей хорезмийских... Как говорится, по делам и награда!»

За обедом, на который помимо Калокира были приглашены те же семеро думных бояр, разговор опять зашел о христианских проповедниках, желающих обратить в веру Христову славянские народы. Бояре, хитро переглядываясь, задавали Калокиру каверзные вопросы, мол, почему греки и немцы утверждают, что бог у них один, что они верят в Иисуса Христа и Богоматерь, а сами на деле враждуют между собой. У немцев богослужение на латыни, их верховным архипастырем является папа римский. Для греков верховный первосвященник есть патриарх, и церковная служба у них на греческом языке. И греки, и немцы утверждают, что именно их вера самая правильная, но и те и другие приходят к славянам с крестом в руках.

– Ладно бы токмо с крестом, – заметил боярин Каницар, – а то ведь чаще приходят с крестом и мечом. Вон в Моравии тамошние славяне приняли веру греческую, но не понравилось это папе римскому. Натравил он на Моравию немцев. Долго воевали моравы сначала с немцами, потом с уграми. А чем все закончилось?

Каницар оглядел всех сидящих за длинным столом, во главе которого восседала княгиня Предслава.

– Распалось на уделы Моравское княжество, вот чем! – ворчливо отозвался седовласый и морщинистый боярин Ивор. – Угры разорили моравские земли, а немцы навязали морavam

латинскую веру. Раньше-то моравы платили дань токмо князю своему, ныне же моравы несут подати немецким баронам и латинским епископам.

– Помните, что у чехов творилось? – проговорил боярин Гробой, отец Предславы. – Чешский князь Вацлав принял латинскую веру и пустил в свое княжество латинских священников, так те начали грабить народ без всякой милости. Чехи восстали, убили Вацлава, прогнали всех латинян. Тогда германский король Генрих вступил в Чехию со всей своей силою и принудил брата Вацлава Болеслава вернуть латинских священников обратно. После войны с немцами чешские земли так обезлюдели, что там и пахать-то было некому.

– Вот вам и милосердие! – ядовито усмехнулся длиннородый Ивор. – Христианских священников послушать, так они токмо о милосердии и талдычат. На деле же, где бы христиане ни появились, там льется кровь и люди мрут!

– Ныне немцы полякам покоя не дают, хотят и им церковную десятину навязать, – вступил в разговор боярин Сфирн. – Однако польский князь Мешко дает немцам достойный отпор.

– Немцы истребляют полабских славян, как диких зверей, – опять заговорил боярин Каницар. – Князья германские хотят все земли между Лабой и Одрой к рукам прибрать, а их священники говорят, что это богоугодное дело. Вот и получается, что бог христиан может оправдать любую алчность и жестокость. Жить по дедовским обычаям, это разве преступление?

Все сидевшие за столом посмотрели на Калокира, поскольку вопрос предназначался явно ему. Калокир промолчал, набивая рот жареной олениной.

– Для христиан наша вера – это преступление, – жестко подытожил боярин Ивор. – Вот и киевлян монахи-латиняне хотели на свой лад переделать, но Святослав их мигом урезонил. Указал им дорогу в рай. И поделом!

Среди бояр пронесся короткий смешок.

– Как поживает василевс Никифор? Все ли ладно в Царьграде? – обратилась к послу Предслава, явно желая переменить суть разговора.

У княгини был приятный мягкий голос.

Калокир чуть замешкался с ответом, стараясь побыстрее прожевать кусок мяса. В возникшей паузе прозвучал голос боярина Гробоя, который тоже обратился к греку с вопросом:

– Правда ли, что прежний василевс Роман умер не своей смертью, а был отравлен супругой?

Калокир чуть не подавился мясом. Он никак не ожидал от киевских бояр такой осведомленности. Пусть в Константинополе об этом шепчутся на каждом углу, но как этот слух докатился до далекого Киева?!

– По-моему, тут все яснее ясного, – промолвил Каницар. – Вдова Романа и полгода траур по умершему мужу не проносила, живенько вышла замуж за Никифора. Это о многом говорит!

– Ни о чем это не говорит, бояре! – громко произнес Калокир. – Василевс Роман был слабого здоровья. Он сильно простудился на охоте, отчего и умер. Василисса Феофано не причастна к смерти супруга. Замуж за Никифора Феофано вышла, подчиняясь воле синклита и патриарха. Вот так!

Калокир поднял чашу с вином, собираясь произнести здравицу в честь княгини Предславы. В этот момент прозвучал едкий скрипучий голосок старика Ивора:

– Правда ли, друже Калокир, что василисса Феофано красоты невиданной?

– Истинная правда, – горделиво проговорил посол.

– А правду ли молвят, что у Феофано отец с матерью низкорожденные? – опять проскрипел голос боярина Ивора. – Будто бы отец Феофано был содержателем харчевни, так ли?

– Это гнусная ложь! – раздраженно ответил Калокир. – Откуда вы понабрались таких слухов, бояре?

– Люди на торгу молвят о том да о сем, а мы слушаем, – с загадочной полуулыбкой промолвил Гробой. – У нас на торжище купцы со всего света толпятся, приезжают и царьградские гости.

– Не всем слухам нужно верить, бояре, – назидательно проговорил Калокир и опять поднял чашу с вином. – Давайте лучше выпьем за здоровье прекрасной княгини Предславы! Пусть ее внешняя прелесть не отцветает в любую пору ее жизни!

Предслава зарделась от удовольствия после сказанного Калокиром. Бояре одобрительно загалдели и дружно подняли свои кубки, поддерживая здравицу греческого посла. Было видно, что боярин Гробой для них человек не просто уважаемый, но особо почитаемый за какие-то прошлые заслуги. Дочь Гробоя пользовалась не показным уважением у думных старцев явно не из-за своей красоты, но за какие-то личные качества. Проницательный Калокир сразу почувствовал это.

* * *

Терем княгини Ольги в Вышгороде произвел на Калокира более радостное впечатление по сравнению с хоромами Улеба и княгини Предславы. Это было большое двухъярусное здание с высоким крыльцом и двускатной тесовой крышей. Нижний этаж терема был сложен из дубовых бревен, верхний ярус – из сосновых. Все двери в тереме были двустворчатые, так было принято у ромеев. По-видимому, Ольга перенесла это нововведение на Русь после своей поездки в Константинополь. Там же Ольга насмотрелась на образцы разноцветного стекла, вставляемого ромеями в окна. В вышгородском тереме Ольги многие окна были забраны свинцовыми рамами, в ромбовидных ячейках которых переливались на солнце стеклянные пластинки: голубые, розовые, желтые, зеленые...

Некоторые окна были забраны деревянными рамами, изготовленными местными мастерами. Ячейки для стекол в этих окнах были заметно крупнее и имели форму квадрата. Деревянные оконные рамы могли распахиваться, подобно дверцам небольших шкафчиков, это было очень удобно в жаркую летнюю пору. Свинцовые рамы открываться не могли, так как закреплялись в окне намертво.

Беседа княгини Ольги и Калокира происходила в светлице, обращенной окнами на тенистый сад. Из сада через распахнутое окно доносился щебет птиц; шелестела листва яблонь, кленов и лип под дыханием южного ветра. Ольга и Калокир сидели на стульях напротив друг друга.

Калокир пребывал под сильнейшим впечатлением от встречи со знаменитой матерью Святослава. Посол, переполняемый непонятым волнением, преисполненный какой-то смутной надеждой, внимал Ольге и жадно ловил каждое ее слово.

У Ольги было лицо мраморной статуи – очень спокойное, бледное, серьезное, доброе и холодно-красивое, с тонкими изогнутыми бровями. Оторвать взор от такого лица чрезвычайно трудно. На княгине была длинная стола с широкими рукавами и закрытым верхом; платье было из плотного узорчатого шелка, по голубому фону шли витиеватые узоры золотистого цвета у ворота и на рукавах. Такие платья носят знатные аристократки в Константинополе. Голова княгини была повязана белым убрусом. Вокруг шеи было надето широкое оплечье из жемчуга и драгоценных камней. Среди жемчужных бус, граненых сапфиров и топазов особенно выделялись овальные позолоченные медальоны с изображением Богородицы и святых великомучеников Петра и Павла.

Ольга была ревностная христианка, принявшая православие не по принуждению, а по зову сердца. Вот почему отстранение Ольги от власти сыном Святославом, приверженцем язычества, было воспринято в Константинополе с неудовольствием и тревогой. Эта тревога прозвучала в речи Калокира, едва он заговорил с Ольгой. Его доброе участие, искреннее сочув-

ствие и почти братское прикосновение к ее руке – все это невольно расположило Ольгу к Калокиру, мужественная внешность которого неизменно производила впечатление на женщин.

Калокир был широкоплеч и высок ростом. На устах его иногда появлялась странная улыбка; его жизнерадостное лицо было румяно, лоб не отличался ни чрезмерной высотой, ни шириной. Волосы у него были светлые и густые, глаза серые, подвижные и очень пронизательные. Небольшая кудрявая бородка нисколько не портила Калокира. Одевался Калокир всегда изысканно, но без излишней пышности.

Калокир напрасно ждал, что Ольга станет жаловаться ему на Святослава, лишившего ее власти, на бояр, поддержавших ее сына в этом начинании, на своих приближенных, переметнувшихся от нее к Святославу после ее низложения. Со слов Ольги выходило, что над всем случившимся довлеет Божье предначертание. Не ее слабость и нерешительность подтолкнули Святослава к захвату власти, но алчность и недомыслие немецких монахов, присланных в Киев германским королем.

– Когда началось избиение народом латинян и хазар, Святослава не было в Киеве, – молвила Ольга. – Весь этот сполох организовали бояре-язычники во главе с Гробоем. Вернувшийся в Киев Святослав утихомирил народ, не позволив убивать епископа Адальберта и изгонять из города православных христиан. Бояре-язычники потребовали, чтобы Святослав взял бразды правления в свои руки. Народ на вече пожелал того же. Я без сожаления уступила сыну княжескую власть, ибо устала от сего тяжкого бремени.

– Зачем же ты призвала в Киев немецких монахов, государыня? – спросил Калокир. – Иль тебе неведомо, что латинская вера близка к ереси, поскольку отрицает божественную сущность Христа.

– Сын мой не приемлет веру православную, – печально вздохнула Ольга. – Я надеялась, что, быть может, латинские священники сумеют обратить Святослава в христианина. Теперь-то я понимаю, что напрасно поверила заверениям Адальберта, будто у него имеются ключи к сердцу всякого человека.

Ольга упомянула о гневном письме германского императора, на которое Святослав не пожелал отвечать. Ольге пришлось самой объясняться с послом Оттона, привезшим послание императора в Киев.

О ближайших замыслах Святослава Ольга ничего не могла сказать.

– Со мной Святослав не советуется, – посетовала она. – У моего сына в советниках числятся Гробой, Каницар, Ивор – эти в Киеве сидят. Есть и другие советники: Свенельд, Вуефаст, Владислав – эти со Святославом в походы ходят.

– Как относится Святослав к брату Улебу? – поинтересовался Калокир.

– Не жалуется он его, – честно призналась Ольга, – как и всех христиан. А то, что Святослав поручает Улебу стол княжеский блюсти в свое отсутствие, так это дань родовому обычаю. Улеб нрава нерешительного, поэтому Святослав его не опасается.

– Кого Святослав опасается из родни своей? – не удержавшись, спросил Калокир. – Иль нет таких?

– Опасается Святослав внуков Олега Вещего, потому и держит их постоянно при себе, – с печальной задумчивостью ответила Ольга. – Эти молодцы ретивые сердцем, они колебаться не станут, коль появится возможность княжеский стол получить.

В тот же день Калокир встретился с настоятелем вышгородской Богородицкой церкви Паисием. Грек Паисий жил на Руси вот уже тринадцатый год. Настоятель многое знал, многое видел. Он мог дать верную оценку любому событию на Руси, поскольку знал местные обычаи и постиг характер здешнего народа.

На расспросы Калокира о княгине Ольге, мол, почему она так легко уступила княжескую власть Святославу, Паисий ответил так:

– Томится Ольга любовным недугом, потому и дела государственные ей не в радость. Я знаю это, ибо Ольга ко мне ходит на исповедь. Страсть ее греховна, ведь она влюблена в юношу, который ей в сыновья годится. Я пытался увещевать Ольгу, да без толку. Покаяния ее искренние, и грех свой Ольга готова замаливать ежедневно. Однако, замоленный днем, сей грех опять возвращается к Ольге ночью, ибо она при всяком удобном случае пускает юного любовника в свою постель.

– Кто же этот юный счастливец? – изумился Калокир.

– Купеческий сын, юноша дивной красоты, – ответил Паисий. – Он несколько лет провел в рабстве у печенегов. Когда Святослав вернулся с победой из степного похода, много русских пленников обрели свободу, все они пришли в Киев и осели тут. Поселился в Киеве и Тимофей, так зовут этого юношу. Он принял крещение, выучился читать и писать по-гречески. Вот тогда-то княгиня Ольга и положила на него глаз. С вокняжением в Киеве Святослава Ольга перебралась в Вышгород, Тимофея она взяла с собой. Он теперь в моем храме книги переписывает.

– Ну и дела! – покачал головой Калокир. – Сколько лет Тимофею?

– Двадцать шесть ныне исполнилось, – сказал Паисий. И добавил, предупреждая возможный вопрос Калокира: – Ольга же на двадцать лет старше Тимофея.

– Выглядит Ольга гораздо моложе своих лет, – заметил Калокир. – Удивительная женщина!

Красота обладает таинственной силой: она расковывает души, очищает их от низких помыслов, завораживает, заставляет преклоняться.

Калокир не мог понять, что происходит в его душе, отчего в нем вдруг просыпается сладостное томление при мысли об Ольге, архонтиссе русов. Калокир чувствовал, что эти сладостные оковы надежно держат его в плену. И он вновь повторил чуть слышно: «Удивительная женщина...»

Глава 2

Вышгород

Город Вышгород, по сравнению с огромным Киевом, был невелик. Бревенчатые стены и башни Вышгорода, расположенного на вершине обширного холма, были видны издали. С восточной стороны, внизу, под крутым береговым обрывом несет свои воды широкий приречный Днепр. С северо-запада подножие Вышгородского холма огибает утопающая в ивах речушка Шуйца, впадающая в Днепр. На западной окраине Вышгорода был прокопан глубокий ров и возведен высокий земляной вал, на котором возвышалась деревянная стена, укрытая двускатным тесовым навесом. В город ведут единственные ворота, расположенные в чреве огромной бревенчатой башни. Внутри ее находится ручной механизм для подъема моста через ров и железная решетка, которую можно было ручными воротами опустить вниз, чтобы преградить путь незваным гостям.

С дозволения княгини Ольги Калокир обошел все стены и башни Вышгорода и остался доволен увиденным. Город был неприступен со всех сторон. Самое большое впечатление на посла произвела воротная башня, с верхней площадки которой открывался живописный вид на заливные луга за Днепром, на речной причал, где на мелководье у берега стояли в ряд два десятка крутобоких ладей со звериными головами на носовых штевнях; за речкой Шуйцей, насколько хватало глаз, темно-зеленым гигантским ковром раскинулись сосновые боры.

Дорога на Киев отсюда, с высоты, казалась желтой извилистой змеей, петляющей среди холмов и перелесков. Вдоль дороги и в стороне от нее были разбросаны многочисленные деревеньки. Ветер доносил оттуда далекий собачий лай, где-то женщины хором пели протяжную песню... На пастбищах рыже-бурыми пятнами виднелись стада коров и табуны лошадей. Зелень лугов и лесов сливалась у горизонта с чистой небесной лазурью, подернутой перистыми облаками, словно дымкой, пронизанной горячими солнечными лучами.

В этой прогулке по крепостным стенам Калокира сопровождал Искусев, самый доверенный человек княгини Ольги. Искусев был чудин родом, а чюдь издревле селилась в лесах близ верховий Западной Двины и Волги. Когда на эти земли пришли славяне, чюдь встретила пришельцев стрелами. Многочисленные славяне без труда победили слабый лесной народец и согнали его с обжитых мест. Чюдь признала владычество славян, постепенно забывая родной язык на службе у славянских князей. Под Псковом, где Ольга родилась и выросла, чуди было особенно много.

Искусев был всего на несколько лет старше Калокира, но держался с ним по-приятельски. Чудин, как и все в окружении Ольги, был православным христианином. В беседе с Калокиром Искусев проговорился о том, что у князя Святослава есть еще один сын от наложницы Малуши. Мальчика назвали Владимиром. Княгиня Ольга приглядела Малушу, когда ездила в Любеч, что на левобережье Днепра, близ Чернигова. Ольга взяла Малушу с собой в Киев, назначив ее ключницей. Брата Малуши Добрыню Ольга приняла в княжескую дружину. Когда Ольга узнала, что Малуша забеременела от Святослава, то в гневе спровадила ее в село Будутино, где Малуша и родила сына.

– Село Будутино Ольга подарила Малуше вроде как на приданое, – молвил Искусев Калокиру, стоя с ним на верхней площадке воротной башни. – Вон, видишь, лесок за косо-гором. За ним и лежит это село. – Искусев указал рукой Калокиру, куда нужно смотреть. – Малуша живет там вот уже шесть лет.

– А сын ее где? – спросил Калокир.

– И сын с нею, – ответил Искусев. – Святослав иногда навещает Малушу. Думается мне, князь к ней сильно неравнодушен. Малуша умна и красива! В такую не грех влюбиться и при живой жене.

– Почему же Святослав не перевезет Малушу в Киев? – опять спросил Калокир.

– Что ты! – белобрысый Искусеви нагнал на свое лицо недоброе выражение и слегка понизил голос. – Родня Предславы живо умертвит Малушу и ее сына ядом или еще как-нибудь. Святослав это понимает. Кстати, брат Малуши тоже живет в Будутине, но уже по воле Святослава. Смекаешь?

Голубоглазый чудин хитро подмигнул Калокиру.

– Сторожа приставил к Малуше Святослав, – понимающе покивал головой посол.

– К Малуше и Владимиру, – многозначительно поправил посла Искусеви.

– Ольга-то почему не жалуется Малушу? – поинтересовался Калокир.

– Малуша не пожелала окрестить сына в святой купели, – печально вздохнул Искусеви, – и сама принять крещение отказалась. Малуша ходит на капище, идолам поклоняется. Бывает, и на игрища языческие наведывается. На тех игрищах ночных все равны: и смерды, и бояре. Сходятся в лесу у реки мужчины и женщины, блудодействуя с кем ни попадя. Жены про стыд забывают, девы себя не блюдут. Иным отрокам и пятнадцати годков нету, а они туда же на игрища бесовские шастают, хватают женщин за срамные места.

Искусеви был огнищанином, заведовал обширным хозяйством княгини Ольги. Он был строен и моложав с виду, по обычаю чуди ходил всегда с ножом на поясе в узорных ножнах из бересты. Свои длинные волосы цвета льна Искусеви стягивал на лбу узкой повязкой, его короткая бородка торчала козликом.

Калокир был удивлен тем, что мать Святослава содержит всего полсотни дружинников. Для обороны даже хорошо укрепленного Вышгорода этого маленького отряда было явно недостаточно. Спускаясь по скрипучим деревянным ступеням с верхушки башни, Калокир завел об этом речь с Искусеви.

– Ольга набирает в свою дружину токмо христиан, а их в нашей земле очень мало, – пояснил послу чудин, придерживая того за локоть в душном полумраке узкого спиралевидного прохода. – Покидая Киев, Ольга оставила большую часть своей дружины Улебу, беспокоясь за него. Бояре-язычники смотрят косо на Улеба, не будь у него дружины, они прогнали бы его из Киева. Христиан в Киеве больше, чем в Вышгороде, и главный оплот для них не церковь Николы на торгу, но князь Улеб.

– Мне показалось, князь Улеб не способен защитить единоверцев и даже свою семью в случае опасности, какой-то он нерешительный! – поделился своими впечатлениями Калокир.

– Э-э, друже! – усмехнулся Искусеви, уверенно топая яловыми сапогами по дубовым ступенькам. – Ты плохо знаешь Улеба. Этот тихоня в одиночку на медведя ходит. Есть у него сила в руках и мужество в сердце. Потому-то Святослав уважает Улеба и оставляет на него Киев в свое отсутствие.

Калокир был так удивлен услышанным, что не нашелся что сказать на это. «В тихом омуте черти водятся! – подумал он. – Надо будет присмотреться к Улебу получше».

* * *

Калокир знал, что на Руси существует такой обычай престолонаследия: княжеская власть передается от старшего брата к младшему. Расселившиеся среди русичей варяги, получившие доступ к княжеской власти, имели обыкновение передавать власть от отца к сыну или от дяди к племяннику. Однако случались курьезы, когда власть наследовала вдова князя, как было в случае с княгиней Ольгой.

Следуя тайным указаниям василевса, Калокир желал знать наверняка, какова вероятность вторичного вокняжения Ольги в Киеве в случае внезапной гибели Святослава. Спросить напрямик об этом у самой Ольги Калокир не осмелился. Вот почему он заговорил об этом с Искусеви, когда подвернулся случай.

Чудин откровенно признался Калокиру, что он и сам в душе желает вокняжения Ольги в Киеве.

– При Ольге-то была тишь да гладь! – молвил Искусеви, поглаживая свою бесцветную бородку. – От хазар Ольга откупалась данью. С воинственными кривичами и уличами Ольга замирилась. С радимичами Ольга дружила, к вятичам не совалась. Новгород, Чернигов и Смоленск в ее воле ходили, и бояре тамошние не роптали. Святослав же до брани охоч, мирная жизнь его тяготит. А ежели убьют Святослава в сече, то власть княжескую кто-то из его сыновей унаследует при покровительстве родичей Предславы. Это уже дело решенное!

– Ольга что же, не в счет? – проговорил Калокир. – Неужели у нее в Киеве сторонников нет?

– Есть, конечно, – промолвил Искусеви каким-то странным голосом, – но после избиения хазар и немецких монахов сторонников этих сильно поубавилось. Ныне все решает Святослав и его старшая дружина. Умрет Святослав, старшая дружина не допустит Ольгу к власти. Бояре-язычники долго томились под властью Ольги. Эти злыдни скорее убьют Ольгу, чем снова сделают ее киевской княгиней.

– Еще есть Улеб, – заметил Калокир.

Искусеви безнадежно махнул рукой.

– У него сторонников в Киеве еще меньше, чем у Ольги.

– Разве не может так случиться, что Святослав будет разбит вятичами, а Улеб, пользуясь этим, захватит власть в Киеве, – высказал предположение Калокир, глядя в глаза Искусеви.

– Вятичам не одолеть Святослава, – уверенно заявил чудин.

– В Киев могут хазары нагрянуть, – стоял на своем Калокир. – Улеб может воспользоваться их помощью.

– На сговор с хазарами Улеб не пойдет. – Искусеви покачал головой. – Киевляне проклянут его за это. Слишком много зла претерпели киевляне от хазар. По этой причине Святослав им милее Улеба.

Не особенно разборчивый в средствах для достижения цели, Калокир все больше склонялся к мысли, что Улебу для достижения княжеской власти было бы вернее действовать не мечом, а ядом. Вот только как сказать ему об этом? Улеб наверняка оскорбится, услышав такое предложение из уст Калокира. «Лучше тайком побеседовать с женой Улеба, – размышлял посол. – Сфандра, хоть и христианка, но не столь щепетильна в вопросах морали. Бог мой, о какой морали можно говорить, ежели речь заходит о власти!»

В то утро Калокир, как ни старался, не смог в беседе с княгиней Ольгой перевести разговор на вероятность вокняжения в Киеве Улеба. Ольга искусно уходила от этой щекотливой темы, демонстрируя Калокиру изворотливость своего ума, умение прятать за шуткой серьезный тон, способность уклоняться от прямых вопросов. Ольга благодарила Калокира за подаренные ей книги, особенно за «Деяния Апостолов» – подарок от самого патриарха. Было видно, что чтение книг доставляет Ольге удовольствие.

Плохо владея греческой грамотой, Ольга повелела переводить все имеющиеся у нее греческие книги на русский язык. Над этим трудились монахи-переписчики в Богородицкой церкви и в тереме княгини. Славянские письма проникли на Русь вместе с моравами-христианами после уничтожения немцами Великоморавского княжества. Славянская письменность называлась кириллицей, по имени одного из двух братьев-проповедников, направленных в Моравию из ромейской державы. Этих братьев звали Кирилл и Мефодий. В княжеском хозяйстве Ольги имелись мастерские по изготовлению пергамента и красок для письма.

Беседу Ольги и Калокира прервал Искусеви, который с поклоном сообщил княгине о приходе вольных смердов, желающих через княжеский суд разрешить какой-то спор в своей общине. Ольга извинилась перед Калокиром, сказав, что вынуждена прервать их разговор, но она готова встретиться с ним сегодня вечером.

Видя, что Искусеви собирается идти на вышгородский торг, Калокир увязался за ним. Ему стало любопытно, как здесь идет торговля. К удивлению Калокира, огнищанин всюду ходил без сопровождения слуг и стражников. В одеянии Искусеви не было никакой пышности, как и в его манере держаться не было и намек на заносчивость. Чудин носил полосатые посконные порты, заправленные в сапоги без каблуков, и длинную льняную рубаху с красным плечьем, подпоясанную узким поясом. В руке у него была палка, а на поясе висел нож.

На торжище Искусеви был своим человеком, его узнавали в лицо, к нему бежали с жалобами: кого-то обвесили, кому-то нагубили... Искусеви наводил порядок быстро и строго, с ним никто не спорил.

Первым делом чудин проверял, чтобы цены на жито, соль и мясо были ниже, чем в Киеве. Затем огнищанин подходил к тем приезжим торговцам, за коими имелся грешок. Искусеви без обиняков выставлял торговцам пеню за подержанный товар, за обвес покупателей, за уклонение от уплаты пошлины и многое другое. При этом чудин делал ножом зарубки на палке, понятные ему одному. Если пеня исчислялась в деньгах, торговцы тут же отсчитывали огнищанину серебряные монеты. Если расплачиваться приходилось частью товара, тогда торговцы сами везли пеню на княжеский двор.

– Откуда ты знаешь о недобросовестных торгашах? – спросил Калокир огнищанина.

– У меня всюду соглядатаи, – хитро усмехнулся Искусеви. – Местные торговцы знают это, поэтому ведут торговлю честно. Грешат лишь приезжие купцы.

– В Киеве так же строго следят за торговлей? – опять спросил Калокир.

– При Ольге был порядок, а как теперь, не знаю. – Искусеви пожал плечами.

На торжище было многолюдно. В основном здесь толпились смерды из окрестных деревень. Кому-то был нужен новый плуг, кому-то – новые тележные колеса. Кто-то желал купить плотницкий топор, кто-то – железные гвозди. Бойко шла торговля льном и медом. Рыбаки быстро распродали свой утренний улов.

Шагавший впереди Искусеви задержался возле торговцев свиным салом, которые слегка заволновались при виде дотошного огнищанина. Калокир тоже остановился, лениво оглядывая пеструю людскую толчею. Вдруг его взгляд выхватил из толпы невысокую молодую женщину, она стояла, не шевелясь, в тени под навесом, прислонившись плечом к столбу, всем своим видом выражая терпение. На ней было длинное льняное платье с голубыми узорами вокруг ворота и на рукавах. Снятое с головы тонкое покрывало висело у нее на плече.

Калокира невольно поразила дивная прелесть лица незнакомки. Мягкая линия скул и подбородка, открытый высокий лоб. Глаза голубые, как незабудки, были полны некой потаенной грусти. Свежие, слегка раскрытые губы, казалось, хранили тень от только что сбежавшей улыбки. У незнакомки была гибкая белая шея, красиво изогнутые брови; ее волосы, русые и густые, были заплетены в длинную косу, которая свешивалась сзади ниже талии. Сквозь льняную ткань проступали изгибы прекрасно сложенной фигуры.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, незнакомка очнулась от задумчивости, глаза ее украдкой скользнули в сторону Калокира, в них было любопытство, а также осознание того, что она не может не нравиться мужчинам. Встретившись глазами с Калокиром, красавица чуть улыбнулась, как бы выражая ему благодарность за симпатию. При этом ее мимолетная улыбка была так естественна и произвольна, как падает на гладь воды лунный свет.

Калокир и раньше встречал среди славянок немало привлекательных лиц, но эта незнакомка с толстой косой, чудесными голубыми очами и такой обезоруживающей улыбкой показала греку верхом совершенства. Сердце Калокира учащенно забилось в груди. И хотя русоволосая красавица уже смотрела в другую сторону, привлеченная каким-то шумом, Калокир пребывал в сильнейшем волнении. Ему хотелось подойти к ней, сказать ей что-нибудь приятное, узнать ее имя...

– Идем! – рядом с Калокиром появился Искусеви.

– Подожди, друже! – Калокир схватил чудина за рукав рубахи. – Помоги мне! Я хочу узнать имя вон той прелестницы. Она стоит у столба под навесом. Видишь?

– Вижу, – кивнул огнищанин.

– Прелесть до чего хороша! Просто глаз не оторвать! – восхищенно бормотал Калокир, теребя огнищанина за рубаху.

– Держись от нее подальше, друг мой, – предостерегающе произнес Искусеви. Выражение его лица говорило о том, что он не шутит.

– В чем дело? Почему? – недоумевал Калокир.

– Это Малуша, – ответил Искусеви и выразительно повел бровью.

У Калокира рот открылся сам собой.

– Малуша?! – изумленно повторил грек. И негромко добавил:

– Та самая? Наложница Святослава?

Искусеви покивал головой и потянул посла за собой.

Калокир еще раз обернулся, но Малуши у столба уже не было. Посол растерянно шарил по толпе глазами, ища ее. Малуша исчезла. «Так вот ты какая, Малуша! – восхищенно думал Калокир, следуя за огнищанином сквозь гудящую толпу. – Искусеви прав, от такой красотицы Святослав ни за что не откажется! Наверняка князь дорожит Малушей больше законной супруги».

Желание вновь увидеть Малушу одолевало Калокира изо дня в день. Это желание терзало его, как неотступная болезнь, как навязчивое видение. Образы прекрасных женщин, виденные Калокиром в прошлом, теперь померкли для него, превратились в ничто перед совершенной прелестью той, которая озарила его улыбкой, как ласковым солнечным лучом, посреди шумного многолюдства торговой площади.

Искусеви пытался вразумлять Калокира, говоря ему, что пустое это дело подстергать Малушу на торжище, ибо одну ее Добрыня никуда не отпускает. Если Малуша появилась на торгу в Вышгороде, значит, и Добрыня со своими людьми был где-то неподалеку. Ехать же в гости к Малуше и вовсе опасная затея, можно живым обратно не воротиться.

Неизвестно, сколько дней продолжались бы терзания Калокира, если бы не эхо грозных событий, докатившееся от Волги до Киева и Вышгорода.

Глава 3

Буртасы

К полудню пешая рать и конные дружины, перевалив через изрезанные оврагами холмы, вышли к руслу наполовину высохшей реки. Святослав остановил войско на отдых. Стояла сушь. На небе не было ни облачка.

Воины сгрудились у низкого речного берега, черпали мутную желтоватую воду кто шлемом, кто пригоршнями. На белом речном песке атели разбросанные красные щиты русичей. Печенеги в первую очередь поили лошадей, а уж потом пили сами.

От дозорных прискакал всадник.

– С восхода валом валят буртасы, многие тыщи конников! – сообщил воин, удерживая на месте горячего скакуна.

Воеводы переглянулись. Сидевший на песке Святослав проворчал:

– Ну вот, токмо сапоги снял и опять обуваться!

– Может, за реку отойдем, княже, – проговорил широкоплечий Икмор. – Ратники изнемогли после трудного перехода, им бы отдышаться.

– К тому же солнце палит немилосердно, – вставил сивоусый Свенельд, соглашаясь с Икмором.

– Мы не за тем сюда шли, чтоб за рекой отсиживаться! – Натянув сапоги, Святослав легко вскочил на ноги. – Трубач, дай сигнал к битве!

Протяжно и хрипло загудел княжеский окованный медью рог.

– Чего застыли, воеводы? – Святослав сверкнул белозубой улыбкой. – Иль оробели? Живо по коням!

С недовольным ворчанием воеводы облачались в кольчуги, подпоясывались мечами, разбирали тяжелые овальные щиты. Все это они делали уверенно, без суеты. Оруженосцы подводили к воеводам оседланных коней. С лошадиных морд капала речная вода.

Выбираясь из речной долины, войско выстраивалось длинными шеренгами на степном раздолье. Центр заняла пехота с поднятыми сверху тяжелыми копьями-рогатинами. Конница растекалась по флангам: печенеги на левый, дружина Святослава – на правый. С востока донесся сначала отдаленный гул, затем в знойном мареве ковыльной степи показали идущие на рысях многочисленные конные отряды. Это были буртасы.

Кони буртасов в основном серой и буланой масти, низкорослые, с короткими крепкими шеями, с коротко подстриженными гривами и длинными хвостами. Несмотря на жару, воины-буртасы были облачены в короткие овчинные полушубки без рукавов, надетые поверх замшевых рубах с длинными рукавами. Многие имели небольшие круглые щиты и короткие копья, большинство же вооружены легкими топориками, длинными кинжалами и луками. Шлемы буртасов из толстой воловьей кожи, обитые для прочности металлическими пластинами. Закругленный верх буртасского шлема был украшен пучком лошадиной гривы, который закреплялся в короткой полой трубке.

От быстрой скачки эти пучки конских волос на шлемах буртасов развевались по ветру. Знамена буртасов также представляли собой бунчуки из лошадиных хвостов; боевые рожки буртасов издавали резкие отрывистые звуки. При виде пеших русов, застывших в плотном строю, буртасы на всем скаку принялись стрелять из луков, целясь так, чтобы стрелы падали сверху вниз под острым углом. Тучи оперенных стрел застучали по поднятым щитам русичей, крепко впиваясь в них железными наконечниками. Пешие полки наклонили копья.

Опять протрубил рог Святослава. Русская дружина и печенеги с гиканьем устремились на врага.

Печенежские конники мало чем отличались от буртасов. Их лошади были также малорослы, с торчащими щеткой гривами. Правда, большая часть печенежских лошадей была гнедой масти. Печенеги имели островерхие шлемы, украшенные с двух сторон ястребиными перьями. Поверх кожаных и медных панцирей печенеги надевали яркие цветастые халаты либо короткие кафтаны без рукавов. У каждого печенега на поясе висела сабля и кинжал в ножнах, каждый имел лук и стрелы. Телохранители печенежских ханов и беков были вооружены также копьями и щитами.

Дружинники Святослава сильно отличались от степных наездников. Их лошади намного крупнее и сильнее, все лошади укрыты толстыми защитными чепраками и кожаными нагрудниками. Всадники-русы были облачены в длинные кольчуги и металлические брони, на головах – конический железный шлем с кольчужной бармицей. У некоторых имелись стальные наглазники или личина на все лицо. Каждый дружинник имел овальный, заостренный книзу щит, обоюдоострый меч, кинжал и тяжелое копьё. У многих дружинников имелись также боевые топоры и палицы.

Удар дружины Святослава пришелся в самую гущу буртасской конницы. Выбитые из седел ударами русских копий, буртасы громко вопили, оказавшись под копытами лошадей. От столкновений с огромными конями русов лошадки буртасов опрокидывались набок вместе с седоками, дыбились и скалили зубы, показывая свой дикий нрав.

Находившийся впереди Святослав лишь дважды взмахнул мечом, сбив наземь двух степняков в вонючих овчинах. И вот уже вся буртасская конница обратилась вспять, рассыпаясь в стороны, подобно брызгам. Настичь стремительных в своем бегстве буртасов русы на своих тяжелых лошадях не могли, они и не пытались это делать, стремясь сохранить свое боевое построение.

Печенеги на другом фланге тоже обратили в бегство буртасов, легкие топоры и кинжалы которых оказались бессильны против печенежских сабель. В отличие от русов, печенеги преследовали буртасов по пятам, метко поражая их стрелами. Буртасы не оставались в долгу. Отстреливаясь на всем скаку, они перебили из луков немало печенегов. Вражда между этими степными народами была давняя.

– Загонят коней басурмане кривоглазые на такой жаре, – ворчливо заметил воевода Перегуд. – Ишь, как разогнались!

– Далеконько умчались, – проговорил Свенельд, прикрыв глаза ладонью от слепящих солнечных лучей. – Похоже, настигли печенеги орду буртасскую. Сеча там всюю идет!

В степной дали, на краю обширной низины, перемешались две конные лавы, издали похожие на серо-бурую массу, разлившуюся по равнине. Оттуда доносился звон сабель, выкрики воинов и ржание лошадей.

– Надо бы помочь печенегам, – сказал Святослав.

Русичи перевели коней на рысь; среди притоптанной степной травы тут и там виднелись сраженные стрелами степняки. Убитых буртасов можно было опознать по овчинным накидкам и лошадиным гривам на шлемах. Убитые печенеги выделялись своими разноцветными халатами. В некоторых мертвецах торчало по две-три стрелы.

– Видали, как сыплют стрелами степняки! – молвил Свенельд, разглядывая убитых буртасов и печенегов. – Ловкачи, ничего не скажешь!

Вторая сшибка русичей с буртасами получилась более яростной, чем первая. Буртасы, благодаря своей многочисленности, уже одолевали печенегов, когда на них обрушилась русская дружина. Видя княжеский красно-черный стяг, буртасы рвались к Святославу. Им удалось расстроить плотную колонну русской дружины, удалось вклиниться в нее своими нестройными сотнями. Не в силах сдерживать натиск буртасов копьями, русичи взялись за мечи. Началась отчаянная рубка.

Призрак победы, маячивший перед бургасами, куда они сражались с одними печенегами, исчез и рассеялся под ударами русских мечей и топоров. Убитых и раненых было так много, что лошади в сумятице битвы падали, спотыкаясь о них. Смертельно раненные кони хрипели на земле, обильно поливая темной густой кровью выгоревшую на солнце траву.

Наконец бургасы не выдержали и обратились в бегство. Забросив за спину щиты, степняки стремительно уносились прочь к дальним холмам. У многих из них колчаны были пусты, поэтому им оставалось уповать лишь на резвость своих низкорослых лошадок.

Потери бургасов были велики, около шести сотен убитых. К Святославу привели троих пленных степняков.

– Кто из ваших беев участвовал в этой битве? – спросил князь.

– Инх-Амарабан участвовал и все его братья, – ответил один из пленников с истрескавшимися от зноя губами. Его усталое, изрезанное морщинами, скуластое лицо было темным от загара. – Еще были Мерлан, Балаж, Налук, Тузар и Алхаз-бей.

– Сколько же конницы собрали ваши беи против меня?

– Тысяч десять, может, больше, – после долгой паузы проговорил пленник.

– Покорятся ли мне ваши беи после сегодняшней битвы?

Пленник горделиво посмотрел в глаза Святославу:

– Может, кто и покорится, но только не Инх-Амарабан. Он не потерпит тебя на своей земле, князь.

Святослав повелел освободить пленников.

– Передайте своим беям, я буду ждать их здесь для новой битвы, – сказал он. – Пусть соберут все свои силы. Кто не пожелает сражаться со мной, пусть известит меня об этом. Становища покорившихся мне беев не будут разорены.

* * *

У костра сидели двое: князь Святослав и печенежский хан Куря. Оба расположились на тугих скатках из толстого войлока, каким кочевники покрывают свои юрты. Святослав был босоног, в простой льняной рубахе и таких же портах. Куря был облачен в дорогой бухарский халат с длинными разрезами по бокам для удобства при верховой езде. На ногах у хана были короткие желтые сапоги из добротной кожи с загнутыми носками. На голове красовалась шапка, украшенная тремя хвостами степных лисиц. За узорным поясом Кури торчали плеть и кинжал в серебряных ножнах.

Куря был гораздо старше Святослава. Он был широкоплеч и коротконог. У него был низкий лоб, густые соболиные брови, слегка приплюснутый нос, заметно выступающие скулы, покрытые короткой темной бородкой. Чуть раскосые глаза хана были серо-зеленого цвета.

– Удивляешь ты меня, князь, – молвил Куря, который неплохо говорил по-русски. – Так, как ты, в степи никто не воюет. Нельзя предупреждать врага о своем вторжении. На врага нужно нападать внезапно. Только так добьешься быстрой победы.

Святослав рассеянно наблюдал за тем, как над пламенем костра взлетают и гаснут яркие искры. Он лениво внимал хану, думая о чем-то своем.

– Вот мы сидим и ждем, когда бургасы вновь нападут на нас. Разве это дело? – между тем продолжал Куря. – Ты, князь, даешь бургасам возможность собраться с силами. Это плохо. Врага нужно выслеживать, как дичь, и гнать его без остановки.

– Так воюют печенеги? – Святослав взглянул на хана.

– Да, – ответил Куря. – В степной войне печенегам нет равных!

– Не люблю я гоняться за врагом, – сказал Святослав. – Не по мне это: выслеживать и подкрадываться. Предпочитаю столкнуться с недругом в открытой битве, пусть сила сокрушит

силу! Что проку от победы над спящим или растерявшимся врагом? Ничтожна слава от победы над заведомо слабым противником. Мне такая слава не нужна!

– Конечно, князь, красиво и благородно одолеть врага в открытом сражении без всяких хитростей и засад, – заметил Куря. – Однако враг может оказаться сильнее, ежели дать ему время подготовиться к войне. Ты думал об этом, князь?

Святослав тряхнул своими длинными русыми вихрами.

– Чем сильнее враг, тем славнее победа над ним. Я хочу, чтобы слава от моих побед бежала впереди меня, устрояя все племена и народы!

Куря внимательно посмотрел на Святослава, словно старался понять, искренен ли тот в своих словах. Куря и раньше слышал, что Святослав ставит славу выше любого богатства. В неприхотливости Святослава Куря убедился воочию. Святослав не имел ни шатра, ни воза, спал у костра на земле, завернувшись в плащ и подложив под голову седло. Не было у Святослава ни повара, ни котла, чтобы приготовить пищу. Князь сам резал ножом сырое мясо тонкими ломтями, пек его на углях и ел. Одевался Святослав, как простой воин.

Куре такое было в диковинку. Выросший в ханской юрте Куря с детских лет уразумел одну непреложную истину: знатность и богатство неразделимы. Знатного человека должно быть видно издали по его роскошной одежде, по богатому убранству коня. Святослав хоть и был княжеского рода, однако вел себя не по-княжески. Куря заговорил об этом со Святославом.

Святослав слушал хана, слегка кивая головой, вороша палкой раскаленные угля костра. Казалось, князь соглашается с тем, что говорит ему печенежский хан.

– Не ты первый заводишь со мной речь об этом, друг Куря, – промолвил Святослав, когда его собеседник умолк. – Моя мать тоже недовольна, что я одеваюсь как простой смерд. Жена моя ворчит на меня, ежели увидит, что я расхаживаю по Киеву в грубой посконной рубахе. Бояре мои сердятся на меня порой за то, что я послов иноземных не в багрянице княжеской встречаю, а в обычной одежде из льна. Я говорю боярам, мол, одежды из бархата и аксамита мы переняли от ромеев. Между тем, предки наши за роскошь не гонялись, из льняных тканей одежду себе шили.

Дружина моя старшая не желает принимать от ромеев веру в единого христианского бога. – Святослав еле заметно усмехнулся. – Я говорю боярам, крест целовать вы отказываетесь, не желая отступать от обычаев предков, а одежды и украшения ромейские носите. А ведь это тоже измена нашему древнему укладу и родовым обычаям. Кто изменил дедовским обычаям в малом, тот со временем изменит им и в большом. – Куря не стал продолжать этот разговор, понимая, что переубедить Святослава ему не удастся.

* * *

Солнце катилось по небу в дымном знойном мареве; тяжелая духота предвещала грозу. Русские пешие полки, прикрытые красными щитами, перегородили степь, обратившись спиной к реке. На правом фланге рядом с пешцами застыла в строю конная дружина Святослава. Печенежская конница занимала левый фланг.

Святослав верхом на саврасом жеребце разъезжал взад-вперед вдоль конного строя своих дружинников, отдавая последние распоряжения. На голове князя красовался начищенный до блеска островерхий шлем с наносником и металлической сеткой, защищающей шею. Такие шлемы были в ходу у славян, живущих к востоку от Угорских гор. Большинство дружинников Святослава имели варяжские шлемы с закругленным верхом и железными наглазниками. Собственно варягов было немало в дружине Святослава, как и среди его воевод.

Дальние вершины холмов, казалось, были покрыты темным лесом, но это был не лес, а надвигающиеся полчища буртасов. Их копыта грозно покачивались; непрерывно гудели боевые рожки. На этот раз помимо конницы у буртасов было много пеших воинов.

Расстояние, разделяющее два враждебных войска, неуклонно сокращалось. Святослав отверг советы своих воевод и печенежских ханов, предлагавших ему устроить засаду или совершить глубокий фланговый обход наступающей бургасской орды. Пусть все решится в честной битве! В каждом жесте Святослава, в каждом его слове сквозило предельное удовлетворение от увиденной им мощи врага, от воинственности бургасов.

Святослав не обращал внимания на бургасские стрелы, втыкающиеся в землю в опасной близости от него. Он был весь поглощен созерцанием приближающегося врага, хищно сощурился, словно изголодавшийся дух его получил наконец пищи вдоволь.

Вот неумолимая сила столкнула две враждебные рати, наполнив душный предгрозовой воздух скрежетом и громоханием железа; даже топот копыт растворялся в этой беспощадной пляске звуков, знаменующих шествие Смерти по телам павших воинов.

Откуда-то из глубины бургасской орды, разлившейся по степному раздолью, рвался боевой клич, напоминающий улюлюканье. Этот клич слабел и прерывался при столкновении бургасов с русами и печенегами. Равнина покрылась многими тысячами конных и пеших воинов, размахивающих оружием, убивающих друг друга в слепом остервенении... Людские волны накатывались одна на другую, перемешивались с треском ломающихся копий, со стонами раненых и свистом пролетающих стрел.

В такие моменты крайнего ожесточения человеку нигде не найти прибежища, а уповать приходится только на свой меч. Жизнь становится печальным воплощением призрака, а воины напоминают осенние листья, срываемые с ветвей бурным ветром. Где как не в битве возникает осознание тленности и недолговечности человеческого бытия? Именно в сражении так видна невидимая грань между живыми и мертвыми, покрывшими степную траву, подобно опавшей листве. Здесь, среди сверкающих на солнце мечей и сабель, тусклый огонек жизни трепещет, готовясь погаснуть и слиться с вечным мраком небытия.

Казалось, даже хмурое низкое небо с ужасающей ясностью чувствует, что его высокие дали – вольные и необъятные – напоминают умирающим воинам некие вершины вечности. Кто знает, может, небо несет в себе какое-то подобие бессмертия, может, оно создано из нетленного духа, покидающего тела павших в битве.

Святослав сошелся в сече с могучим бургасским беем, которого окружали храбрые батыры. Хазарский шлем с личиной скрывал лицо бея. Под Святославом ранили коня. Саврасый вздыбился и захрапел, потом стал валиться набок. Святослав спрыгнул наземь. Бургасы скопом накинулись на него. В короткой яростной схватке князь разил мечом направо и налево, мертвые степняки так и падали к его ногам.

Вскочив на коротконового степного конька, Святослав вновь напал на бургасского бея, который уже успел ранить двух русских дружинников. Бей оказался необычайно ловок, изогнутый клинок в его руке был подобен молнии. Горячий пот заливал Святославу глаза, он задыхался под тяжестью доспехов. Вокруг гремели мечи о щиты: русичи и бургасы сошлись грудью в грудь. Защищаясь от ударов вражеской сабли, Святослав прикрывался щитом. Ему хватило всего лишь мига, чтобы опередить вражеского военачальника на очередном замахе. Длинный меч князя раскроил бею голову. Бездыханное тело степняка вывалилось из седла. Мужество покинуло бургасов, они ударились в бегство.

Святослав опустил окровавленный меч. В потемневших небесах глухо заворчал гром. Над степью пронеслись влажные порывы ветра, пригибая густые медвяные травы. Равнина стала похожа на волнующийся океан. Рыхлые грозные тучи заволокли горизонт, заслонили солнечный диск. Стало темнее и как-то тревожнее.

Курия разыскал Святослава.

– Победа, князь! – радостно воскликнул хан.

Святослав стоял над телом убитого им бея. В руках он держал снятый с головы шлем. Пряди мокрых от пота волос слиплись у него на лбу.

Куря спешился и подошел к Святославу.

– Это Инх-Амарабан, – сказал он, взглянув на мертвеца. – Очень храбрый воин! Мне доводилось сталкиваться с ним. Теперь буртасы непременно покорятся тебе, князь.

Глава 4

Осада булгара

Там, где река Сура впадает в Волгу, шумел многолюдный военный стан. Вдоль обрывистого речного берега широко раскинулись холщовые шатры русичей. Поодаль, на степных лугах, виднелись разноцветные юрты печенегов, их крытые шкурами повозки на больших деревянных колесах без спиц.

В устье Суры на мелководье, среди камышей стояли бортом к борту несколько сотен славянских ладей со звериными головами. Некоторые суда, требующие починки, были вытянуты на прибрежный песок. Сизый дым от множества костров стлался над станом, вытягиваясь по ветру длинным шлейфом.

У печенегов состоялся совет, ханы решали, что им делать дальше. Святослав сговорил печенегов в поход на хазар, а сам затеял войну с буртасами. Теперь вот русы вознамерились воевать с волжскими булгарами. Непонятно, что затевает Святослав?

Старейшие из печенежских ханов Тугань и Хещу предлагали соплеменникам не помогать Святославу.

– Идти в набег самим! Не на болгар идти, а в Тавриду или за реку Днестр. Оттуда всегда с богатой добычей возвращались!

Вожди печенегов сидели в большой юрте кружком, поджав ноги калачиком. Это была юрта хана Туганя. Его слуги обносили всех присутствующих кумысом в небольших круглых чашах.

Хан Илдей помалкивал. У него незавидное положение: в прошлое лето войско Святослава разорило кочевья хана, разбросанные в верховьях Сейма и Северского Донца. Много печенегов тогда угодило в полон. До сих пор в плену у русов находятся сын и два племянника Илдея. Святослав выставил условие, что вернет плененных родственников Илдею, если тот поможет русичам одолеть хазар.

Ханы помоложе ждали, что скажет Куря, который, несмотря на молодость, уже обрел славу бывалого воина. Печенежская знать недолюбливала Курю. Куря захватил власть в орде Гилы вопреки степному обычаю, истребив двоюродных братьев. Куря был злопамятен, жесток и вероломен. Он не прощал никому ни обидного слова, ни косога взгляда. В окружении Кури было немало отъявленных преступников, изгнанных родичами из кочевий за кровавые злодеяния. Куря принимал к себе таких людей, чтобы использовать их в грязных делах.

Хан Куркутэ, отец Кури, был дружен с князем Игорем, отцом Святослава. Они вместе ходили в поход на ромеев и взяли несметную добычу. Хан Куркутэ погиб в сражении с хазарами. Вот почему Куря согласился помогать Святославу в его нынешнем степном походе.

Видя, что все в юрте ожидают его слова, Куря заговорил:

– Святослав хитер. Он желает не просто разбить хазар, но завладеть волжским торговым путем. Русы привыкли ходить по рекам на ладьях. Буртасы и булгары часто грабят русских купцов. Святослав решил положить этому конец. Я уверен, в этом походе можно будет неплохо разжиться. Русы умеют брать укрепленные города, печенеги этого не умеют. Именно в городах и собраны самые большие сокровища.

Слово Кури стало решающим. Совет ханов постановил: помогать Святославу и дальше. Печенежских ханов удивляло, что Святослав отправил к булгарам посла, уведомляя тех о своем намерении начать с ними войну. Печенеги так не поступали, у них было в обычае совершать на соседей неожиданные нападения. Ханы проявляли беспокойство, ведь булгары сильны, а если они еще и подготовятся к войне, то совладать с ними будет трудно.

– Это поход Святослава, – молвил Куря ханам, – пусть он воюет, как хочет. Главное, Святослав щедро делится с нами военной добычей. Лошадей и скот, захваченный у буртасов, а

также пленников, Святослав поделил с нами поровну. Если болгары разобьют Святослава, это нам тоже будет на руку. Мы разграбим обоз русов и уйдем в степи.

Старейшие ханы только осуждающе качали головами, но спорить с Курей не смели. Вероломство было у Кури в крови. Все знали, как Куря поступил со своими двоюродными братьями. Он пригласил их к себе на пир и отравил всех.

Посольские поручения Святослав обычно возлагал на своего гридня Самоху, поскольку тот был сметлив умом и знал несколько чужеземных наречий. Один недостаток был у Самохи, за который ему частенько перепадало от князя. Самоха был падок на хмельное питье. В свое время Самоха объездил на купеческой ладье многие страны; родом он был из Чернигова. Всякая торговля получалась у Самохи в убыток. Даже если свершалась выгодная сделка, Самоха на радостях мог пропить весь барыш. Если же удачи в торговле не было, тогда Самоха пил с горя.

Отец Самохи был известным в Чернигове купцом. Видя, что от старшего сына проку мало, он отдал его в дружину Святослава, возлагая все свои надежды на младшего сына. В княжеской дружине Самоха прижился, как свой. Был он неприхотлив, крепок телом, имел сноровку и верный глаз.

Отправившись к болгарам, Самоха долго не возвращался назад. Воеводы ворчали, не иначе, дорвался посол до дармовой выпивки! А лето, между тем, приближается к своей макушке. Наконец Самоха объявился, и не один, а с несколькими знатными болгарами.

Булгарские вельможи поведали Святославу, что среди них давно созрел заговор против болгарского царя Талиба. Во главе заговорщиков стоит эмир Мумин. Талиб почти не выезжает из своей столицы, поэтому заговорщики никак не могут к нему подобраться. В окружении Талиба сплошь преданные ему люди, в основном чужеземцы. Угроза Святослава пришлась очень кстати для заговорщиков. Талиб непременно выступит навстречу русам со всем своим войском. Частью царского войска будет командовать Мумин, который уведет своих людей с поля битвы в решающий момент. Талиб потерпит поражение, а Мумин захватит власть в Волжской Булгарии. Чтобы Святослав поверил заговорщикам, те были готовы предоставить ему заложников из числа своих родственников.

* * *

Пешая рать Святослава на ладьях двинулась вниз по течению широкой волжской водой. Конные полки и печенежская орда двигались по берегу. При впадении в Волгу реки Свяги пешее русское воинство выгрузилось из ладей. Дозорные сообщили Святославу о приближении болгарского войска.

Болгары разбили стан у небольшого укрепленного городка Ошель. Оттуда было всего полдня пути до их столицы.

...Клонившееся к закату солнце окрасило гряды облаков ярким пурпуром, теплый ветерок разносил ароматы степных цветов. В воздух, чуть туманный от дыма костров, прокрался запах доцветающей сирени, кустившейся по берегам узкой извилистой речки. Один из ее притоков заполнял ров, идущий вокруг Ошельского городища.

Воеводы недоумевали, почему Святослав торопится со сражением? Русичи только-только расположились станом после долгого перехода, да и вечер вот-вот наступит.

– Вечерняя прохлада – самое лучшее время для сечи, – сказал Святослав. – И Ярило нам ныне пособит. – Князь кивнул на лучи заходящего солнца.

Русское войско стояло спиной к закату, а вот болгарам косые солнечные лучи будут явно слепить глаза.

Огромные скопища конных и пеших болгар перекрыли равнину от речного берега до городища. Частоколы копий, украшенные конскими хвостами, бунчуки на длинных древках, трепыхающиеся на нежном ветерке, бесчисленные ряды островерхих шлемов и круглых щитов

с блестящей бляхой посередине – все это тонуло в шуме, порожденном лязгом доспехов, топотом ног и копыт, многоголосьем тысяч людей, сигналами боевых труб...

Русские ратники, устало опираясь на копья, взирали на то, как вражеские полчища темным потоком устремились на них. Над степью пронесся громогласный боевой клич болгар. Взлетающие тучами болгарские стрелы втыкались в землю с небольшим недолетом. Святослав приказал своим пешцам пятиться назад при каждом залпе вражеских лучников.

Земля задрожала, когда конница болгар пошла вперед, напоминая своим видом бурный поток. Булгары обрушились на печенегов, смятая и тесня степняков к топкому речному берегу. Лица болгарских конников, закрытые кольчужной сеткой с прорезями для глаз, были совершенно неуязвимы для печенежских стрел. Панцири болгар из скрепленных друг с другом продолговатых металлических пластинок выдерживали удары печенежских сабель. В ближнем бою булгары ловко орудовали боевыми топорами на длинной рукоятке, а их копья были снабжены крючьями для стаскивания врагов из седла.

Печенегам приходилось туго, они десятками валялись под копыта коней. Степняки отчаянно отбивались саблями, бросая луки. Многие из них искали спасения в бегстве. Булгары все глубже вклинивались в печенежскую орду, рассекая ее на несколько частей. Было видно, что болгарские всадники осуществляют хорошо отработанный маневр.

Курия в бешенстве хлестал плетью своих беков, заставляя их храбро сражаться. Его отряд был почти полностью окружен булгарами. Курия пытался понять, что происходит на другом фланге, там не было слышно шума битвы. Где же дружина Святослава? Почему молчит его боевой рог?

Лес копий пешей русской рати, столкнувшейся с болгарской пехотой на самой середине обширного поля, не давал возможности печенегам разглядеть, что творится на другом крыле русского войска. Пехота сражалась не менее яростно. Где-то русичи сильно вдавились в боевой строй болгар, где-то булгары теснили русичей.

Внезапно картина сражения резко изменилась. Почти половина болгарского войска повернула вспять. Дружинники Святослава не преследовали отступающих болгар, ни одна русская стрела не полетела им во след. Среди болгар началось смятение. Пехота русов уверенно наступала, наклонив копья. Дружинники Святослава пришли на помощь печенегам, ударив в спину булгарам, уже торжествовавшим победу. Оказавшиеся между двух огней булгары сотнями сдавались в плен. Лишь самые воинственные из булгар пробились к своим и укрылись в стане, разбитом на возвышенности возле юго-западного вала городища.

Ночью в стане русичей все крепко спали, лишь дозорные поддерживали пламя костров. В лагере болгар творилось что-то непонятное. Оттуда доносились гневные выкрики, тонувшие в хоре рассерженных голосов. Среди костров и повозок металась тень всадников, звенели стелкающиеся мечи. К утру все стихло.

Когда русичи и печенеги приблизились к болгарскому стану, там было пусто. Чернели угли потухших костров. Повсюду среди шатров и крытых войлоком повозок виднелись следы поспешного бегства. Опустело и городище на холме. Следы ушедшего болгарского войска были отчетливо видны на примятой степной траве, следы уходили на восток. В той стороне находилась столица Волжской Булгарии.

Святослав решил было, что болгарский царь спешит укрыться за стенами своей столицы. Однако Талиб помышлял не о бегстве, но о мести.

Переправившись на левобережье Волги, русичи и печенеги оказались среди холмов и светлых лесов; здесь густо росли липа, дуб, клен, орешник... Все селения в округе были пусты, жители прятались в лесах. На полях созревало просо и ячмень.

Наткнулись еще на одно городище, где тоже не было ни души. Неподалеку, в березовой роще, сочная зеленая трава была густо усеяна тушами убитых лошадей и телами павших вои-

нов. С первого взгляда можно было понять, что здесь бились болгары с булгарами, и случилось это совсем недавно.

– Настиг-таки Талиб изменника Мумина, – переговаривались между собой воеводы Святослава. – Судя по всему, этот Талиб храбрый рубака!

Булгары-заложники поведали Святославу, из-за чего вспыхнула вражда между Талибом и Мумином. Оказалось, что самые сильные племена волжских булгар – это берсула и есегель. Талиб происходил из племени берсула, Мумин – из племени есегель. Когда-то давно, еще до принятия булгарами ислама, все цари булгарские были из племени есегель. Но пришли хазары и принудили булгар платить им дань. Поскольку племя есегель сопротивлялось захватчикам упорнее прочих булгарских племен, хазары наделили царской властью своего ставленника из племени берсула. Талиб является потомком того первого царя, выдвинутого хазарами.

Булгарская знать из племени есегель не смирилась с утратой царской власти. У булгар и в прошлые годы случались кровавые междоусобицы, когда кланы есегель и берсула принимались делить царскую власть. Хазары в пору своего могущества решительно поддерживали царский род берсула. С ослаблением Хазарского каганата ослабла власть и царей-берсула в Волжской Булгарии. Племя есегель, наоборот, входило в силу, опираясь на поддержку могучего Хорезма. Правившие в Хорезме Саманиды подталкивали волжских булгар к неповиновению хазарам.

Разбитый Мумин и его сторонники бежали в город Биляр, где проживало немало торговцев из Хорезма. Из Биляра Мумин слал гонцов к Святославу, умоляя русского князя поскорее разделаться с Талибом. Святослав повел свои полки и жадную до грабежей печенежскую орду к городу Булгару, столице здешних земель. Талиб со своим поредевшим войском устремился туда же, оставив в покое изменника Мумина.

Мумин понимал, если Талиб не впустит русов в Булгар, если осада столицы затянется, тогда заветная царская власть скорее всего уплывет из его рук. Булгары скорее пойдут за Талибом, защитником родной земли от иноверцев, нежели примкнут к Мумину, уповающему на помощь Святослава.

* * *

Город Булгар лежал на высоком каменистом мысу, образованном рекой Мелень, впадающей в Волгу, и глубоким оврагом. Это был старейший из городов, основанных булгарами в междуречье Волги и Камы. Укрепления Булгара состояли из двух рвов и деревянной стены с башенками, протянутой по краю внутреннего рва. Стена была возведена срубным способом в виде высоких клетей, заполненных камнями и утрамбованной землей. Высота стены была около восьми локтей. Земляной вал, на котором возвышалась стена, был не меньше десяти локтей в высоту.

Над стеной возвышались видимые издалека двускатная крыша царского дворца, голубой купол мечети и тонкие башни минаретов. Подступившие к Булгару русичи услышали протяжные заунывные молитвы муэдзинов на арабском языке, созывающие мусульман на утренний намаз.

Русские полки подкрались к столице Булгарии в предрассветном тумане и полной тишине, надеясь застать жителей Булгара врасплох. Однако город уже не спал.

– Раненько поднимается здешний народец, – ворчливо молвил воевода Перегуд, возглавляющий передовой русский отряд. – Царек, что ли, тутошний повелевает всем вставать в такую рань?

Вопрос предназначался гридню Самохе, который указывал путь русскому войску. Побывав в Булгаре в качестве посла, Самоха неплохо изучил и ближние окрестности столицы со стороны Волги.

– Булгары исповедуют ислам, поэтому им полагается просыпаться очень рано, чтобы успеть на утреннюю молитву, – пустился в разъяснения словоохотливый гридень. – Утренняя молитва у мусульман начинается с первым лучом восходящего солнца. Вечерняя молитва свершается с последним лучом заходящего солнца. Всего же в течение дня мусульмане обязаны молиться пять раз, не меньше.

– Ишь ты, какие набожные! – усмехнулся Перегуд. – Что это за башенки торчат возле голубого купола? Для дозорных, что ли?

Из зарослей ольхи и осины, где притаился русский передовой отряд, хорошо просматривалась стена Булгара, идущая вдоль глубокого оврага, до нее было не более полета стрелы. Над стеной на фоне бледно-голубого утреннего неба высилась громада каменной мечети, купол которой блестел, облитый с одной стороны горячими солнечными лучами. Рядом с храмом возвышались, словно стражи, две белокаменные колонноподобные башни с заостренными шпилями наверху.

– Это минареты, – вполголоса пояснил Самоха. – С них-то мусульманские священники и призывают жителей Булгара на молитву пять раз в день. Слышишь, как завывают?

– Почто они на башни забираются, эти молельщики? – опять спросил Перегуд.

– Чтоб быть поближе к Аллаху, своему богу, который живет на небесах, – ответил всезнающий Самоха.

В Булгар вели единственные ворота с той стороны, где была степь. На волжском берегу, возле устья Мелени, раскинулась пристань Ага-Базар. Это был целый город, состоящий из каменных, глинобитных и деревянных строений. Тут располагались дома, склады, мастерские, караван-сарай. . . Была даже темница с решетками на окнах, с прочными дубовыми дверями. Портовый городок был разбит на кварталы, где жили купцы разных национальностей.

Население лишь одного из кварталов не испугалось прихода русских ратей – купцы с Руси. В предместье Булгара вели куплю-продажу торговые гости из Вятской земли, много было кривичей из Смоленска, Орши и Пскова, были тут и поляне из Киева и Вышгорода, северяне из Чернигова и Любеча. Особняком держались купцы из Новгорода.

Купцы-славяне шумной ватагой пришли в стан Святослава, чтобы повидаться с земляками. В русском войске были ратники из многих славянских земель, подвластных киевским князьям. От купцов Святослав узнал, что вся торговая братия разбежалась кто куда, едва прошел слух о поражении Талиба и приближении русского войска. Талиб впустил в свою столицу только болгарских и хазарских купцов. Персидские и арабские купцы ушли на судах вниз по Волге, к Джурджанскому морю. Хорезмийские купцы бежали в Биляр под защиту Мумина.

– Немало товара брошено в лабазах, – рассказывали славянские торговцы Святославу. – Добра всякого в домах оставалось немало. Все это воины Талиба сгребли и унесли в городище царское. На нас волками смотрели, но никого не тронули. Забрали лишь оружие и кое-что из припасов съестных. У Талиба вся родня и все богатства находятся в Булгаре, с ним все его преданные воины. За Булгар Талиб станет драться, как зверь!

– Поспешат ли хазары к Талибу на выручку, они ведь его союзники? – допытывался у торговцев Святослав. – Вы ведь в столице кагана бывали, велика ли сила у хазар?

Мнения торговцев разделились: одни полагали, что хазары со своими бедами управиться не могут, до булгар ли им! Другие говорили, что каган хазарский женат на дочери Талиба, поэтому вряд ли он оставит тестя без своей помощи. Столица кагана, град Итиль, раз в пять крупнее Булгара. Войска у кагана видимо-невидимо.

– От Итиля до Булгара дней десять пути, ежели посуху двигаться, – молвили торговцы Святославу. – Коль заратятся на тебя хазары, княже, трудненько тебе придется. Хазары дюже злы в сече! Война – их главнейшее занятие. Лучше бы тебе, княже, поскорее покончить с Талибом да на Русь вернуться.

Первый же штурм Булгара показал, сколь достойный соперник достался Святославу. Когда русичи и спешенные печенеги, преодолев рвы, стали карабкаться по приставным лестницам на городскую стену, ворота Булгара распахнулись, из них выбежали булгары с копьями наперевес, ведомые своим храбрым царем.

Первыми натиска булгар не выдержали печенеги, не привыкшие сражаться в пешем строю. Бегство печенегов внесло смятение в ряды русских полков. Стычка у ворот переросла в ожесточенное сражение, в котором булгары взяли верх и отбросили русское воинство от стен своего города. Святослав был рассержен этой неудачей.

На другой день русичи и печенеги вновь двинулись на приступ. Для отражения возможной вылазки булгар в дубраве притаились несколько сотен конных печенегов во главе с Курей. В ольшанике, близ речной поймы, засели дружинники Святослава. Однако Талиб был не только храбр, но и предусмотрителен. В тот день булгары не вышли за городскую стену.

Осажденные поливали крепостной вал горячим маслом и разведенным в кипятке коровим жиром. От этого и без того крутой подъем стал скользким и недоступным. Скользкими стали и лестницы, на которые тоже лилось кипящее масло и жир. Сотни осаждающих, русичей и печенегов, копошились в глубоком рву, пытаясь взбираться по лестницам наверх. Сверху летели стрелы и камни, падали горшки с раскаленными углями. Булгары швыряли в ров мешки с соломой, вязанки хвороста, обмазанные смолой, тюки шерсти, скатки из разного тряпья.

Когда в ров посыпались обмотанные паклей зажженные стрелы, начался пожар. Солома, хворост, облитые маслом лестницы – все это запылало ярким пламенем, источавшим черный едкий дым. Огонь лизал промасленную траву на склонах рва. Против такого врага было бесцельно любое оружие. Русичи и печенеги поспешно спасались из огня, волоча за собой раненых и убитых. Стоящие на башенках булгарские лучники с торжествующими криками пускали стрелы вслед отступающему врагу.

Весь следующий день русское войско не покидало свой стан. Ратники сколачивали новые лестницы из длинных жердей, из толстого дубового бревна был изготовлен тяжелый таран. Воеводы полагали, если пробить ворота Булгара тараном, тогда путь в город будет открыт.

При следующем штурме русичи решили навалиться на городские ворота, сколоченные из толстых дубовых досок и обитые железными полосами. Таран, подвешенный на неповоротливом каркасе из тонких березовых стволов, раскачивали шестьдесят молодцев. Заостренное и обожженное на огне «рыло» тарана с треском вгрызалось в ворота при каждом ударе. Печенежские лучники засыпали защитников города множеством стрел, не позволяя им высовываться из-за частокола.

Тогда булгары вновь отважились на вылазку. Отборные царские воины на веревках спустились в овраг, прокрались по его глубокому дну и неожиданно напали на печенегов. Ошеломленные степняки побежали к лесу. Булгары не преследовали их, обратив свое оружие против русичей. В разгар сражения городские ворота открылись и выбежавшие оттуда воины уволокли в город дубовый таран, обрубив канаты, на которых он висел. Березовый каркас булгары столкнули в ров, не имея времени разрубить его на части.

Вышедшие на вылазку булгары образовали плотную колонну, закрывшись щитами и оградившись копьями. Русичи, нападавшие без всякого порядка и взаимодействия, не смогли остановить этот отборный отряд царских телохранителей, которые пробившись к воротам и скрылись под защиту городских стен. Воеводы Святослава досадливо теребили бороды и переругивались между собой. Такой прыти от булгар они не ожидали!

На военном совете Святослав сидел, хмуро свесив голову на грудь, глядя себе под ноги. Царек булгарский небось смеется над ним! На лбу Святослава пролегла угрюмая морщина. В ушах у него звенела перебранка воевод, которые обвиняли друг друга в нерасторопности и недомыслии.

– Замолчь! – сердито рявкнул Святослав. – Вы еще за мечи схватитесь, бояре. Свару затеяли, как дети малые! Лучше помолчите да подумайте, как в городище болгарское проникнуть.

Воеводы примолкли.

– Огнем надо подпалить это городище! – вдруг заявил Свенельд. – Неча воев понапрасну губить. Навалить сухих дров к воротам и поджечь.

Святослав поднял голову и молча взглянул на Свенельда.

– Верно! – поддержал Свенельда Перегуд. – Огонь сокрушит стену городища, надо токмо дать ему разгореться.

– Огонь – это силища! – прозвучал еще чей-то одобрительный голос.

По лицам своих советников Святослав видел, что все они жаждут покончить с возникшим препятствием одним ударом. Всем им не терпится выместить на булгарах накопившееся озлобление. Эти бывалые воины не выносят даже мелких неудач!

После краткого раздумья Святослав сказал:

– Ладно, бояре. Пусть огонь довершит начатое нами.

Однако замыслу Свенельда было не суждено исполниться.

С утра ветер, медленно, но неуклонно усиливаясь, нагнал с юго-запада стаи туч. Солнце померкло, скрытое сумрачной пеленой. Хлынул дождь, за косыми струями которого расплылись дали за рекой, погасла красота роц и лугов.

Затяжной дождь изматывал Святослава. Ему не сиделось под крышей. Едва непогода ослабевала, а в небесах появлялся просвет, князь уходил от горящего очага, от тех, с кем любил коротать вечера. Он бродил по мокрой полегшей траве, среди деревьев, с ветвей которых срывались вниз тяжелые холодные капли. Ноги сами несли Святослава к лесной опушке, откуда была видна маячившая на взгорье зубчатая стена болгарского городища.

На землю опустилась ночь. Дождь прекратился. От земли, напоенной влагой, подымался теплый пар. Святославу не спалось. Привыкший с ходу преодолевать любые преграды, он теперь чувствовал себя скакуном, которому спутали ноги. Сон сморил Святослава лишь под утро.

С рассвета опять зарядил дождь. На улицах Ага-Базара блестели большие лужи, вода в них пузырилась, взбитая тяжелыми дождевыми струями. В окна караван-сарая, где разместился Святослав со своими старшими дружинниками, глядел хмурый неприветливый день.

– Гневается на нас Стрибог, не иначе, – переговаривались воеводы, сидя кружком подле котла с горячей ухой. – Насылает ветры, несущие непогоду. Не к добру это.

Святослав, ходивший проверять дозоры, вернулся промокший и злой. Воеводы уступили князю место у очага, предложили ухи и ржаного хлеба. Покуда Святослав ел уху, кто-то из старших дружинников опять заговорил о гневном Стрибоге.

– Надо за жрецами послать, спросить у них, что делать. Может, Стрибог жертву требует? Может, сыну Сварога поход наш неугоден?

Святослав сверкнул глазами на говорившего, это был Владислав, брат его жены.

– Позвать сюда Ходимира! – распорядился князь.

Так звали старшего жреца.

Высокий и костлявый Ходимир предстал перед князем в длинном белом плаще, с посохом в руке. Его длинная седая борода была тщательно расчесана, ниспадающие до плеч русые волосы стянуты на лбу бечевкой.

– Что скажешь, ведун? Говорил ли ты с богами? – напрямик спросил Святослав, пропустив мимо ушей приветствие жреца.

Ходимир пошевелил косматыми бровями, затем привычным жестом разгладил свои длинные усы.

– Дым от твоих щедрых жертв порадовал всех Сварожичей, княже, – промолвил старший жрец. – Боги помогли тебе одолеть буртасов, помогут и в войне с булгарами. Тревожиться не о чем, князь.

– Бояре мои полагают, что Стрибог насылает на нас злые ветры с дождями, – продолжил Святослав. – Что скажешь на это, отец мой?

– Скажу, что не смыслят твои бояре в божьем провидении, князь, – ответил Ходимир. – Всюду им недобрые знаки мерещатся. Это не Стрибог гневается, – жрец кивнул на окно, за которым шумел ливень, – это сыны его беспокойные резвятся. Так всегда бывает, когда ветры клубком в небесах мечутся.

– Этот дождь все замыслы наши порушил, – сердито проговорил Свенельд. – И за что на нас свалилось это зло?

Ходимир обжег Свенельда осуждающим взглядом.

– Дождь не может быть злом, воевода. Влага небесная всегда токмо во благо людям. Сей дар богов...

В этот миг Святослав прервал жреца громким пылким возгласом. Он вскочил со скамьи с неким внутренним озарением на лице.

– Истину молвишь, отец мой! – с волнением бормотал Святослав. – Дождь не зло, а дар богов. Дар богов!.. – Князь быстро оглядел своих воевод. – И мы воспользуемся этим даром богов! Немедленно!

Святослав отобрал из своих дружинников полторы сотни проворных юношей, которым предстояло подкрасться к болгарскому городищу со стороны оврага. Гридни должны были из нескольких лестниц связать веревками одну очень длинную и взобраться по ней на стену городища, идущую над оврагом. Во главе этого отряда Святослав поставил Самоху, который побывал внутри городища, когда приезжал сюда послом.

– Действуйте живо! – напутствовал смельчаков Святослав. – Постарайтесь без лишнего шума перебить стражей на стене, затем бегите к воротам и снимайте запоры. Самоха знает расположение улиц, с ним не заплутаете. Войско будет стоять в лесу и ждать вашего сигнала к штурму.

Дозорные болгар, укрывшись от непогоды в башенках, зорко следили за станом русов и печенегов, виднеющимся в низине на берегу реки. Струи дождя не позволяли им увидеть, как в сторону леса и к ольховым зарослям у берега Мелени маленькими группами перебегают воины, закутавшись в плащи, с опущенными вниз копьями.

Часовые на стене у оврага и вовсе проявили беспечность, не заметив отряд русов, спустившийся в овраг по крутому откосу. Булгары были уверены, что враги не потревожат их при столь сильном ливне.

Держа наготове кинжалы и сулицы, возглавляемые Самохой молодцы взобрались на стену по шатающейся лестнице. Переколов стражу в двух ближайших башнях, смельчаки спустились в город и, шлепая по лужам, бегом устремились к воротам. Улицы были пустынные. Жители сидели в домах, пережидая непогоду. В одном из переулков гридни столкнулись с двумя булгарами, стариком и юношей, их быстро и бесшумно умертвили копьями.

Стражи у ворот поначалу решили, что прибыла смена караула. Увидев перед собой врагов, оторопевшие стражники подняли тревогу, но было уже поздно. В стремительной схватке лазутчики Святослава перебили болгарскую стражу и распахнули городские ворота.

Из леса, из прибрежных зарослей к воротам бегом спешила вся русская рать и спешенная орда печенегов. Булгары в отчаянной попытке выбить врагов из города лезли прямо на острия русских копий, презирая смерть. Многие падали замертво. На их место становились другие, молодые и старые. Топоры и мечи гремели о железо щитов и панцирей. Русичам каждый шаг давался с напряжением всех сил.

В узком проходе, ведущем в город, численное превосходство осаждающих не играло большой роли, все решали храбрость и воинское умение. Святослав и Куря сражались впереди своих воинов. Куря был полон гнева. В первые же минуты этой яростной сечи получил смертельную рану копьем младший брат Кури.

Постепенно битва перекинулась на улицы города, извилистые и узкие. Русичи рвались к царскому дворцу, видимому издалека. Печенеги врывались в дома, волокли визжащих женщин и детей, тащили вороха мехов, серебряную утварь, ковры и тончайшие покрывала...

Соппротивление болгар стало стремительно затухать, когда телохранители Талиба укрылись в царском дворце, обнесенном частоколом.

Цитадель болгарского царя русичи штурмовали уже без помощи печенегов, увлекшихся грабежом. Высадив ворота подвернувшимся под руку бревном, дружинники Святослава ворвались на широкий двор, окруженный конюшнями, погребями и амбарами. Во дворец вела широкая деревянная лестница с перилами и резными столбами, поддерживающими двускатный тесовый навес над ней. Наверху, у главного входа, теснились царские телохранители с обнаженными саблями. Святослав рванулся было вверх по ступеням, но его решительно удержал воевода Сфенкел.

– Не спеши, княже. Ты храбрость свою уже показал, дай другим смелостью покрасоваться!

Святослав усмехнулся и пропустил Сфенкела вперед.

Последнее сражение развернулось в тронном зале дворца среди толстых дубовых колонн, под мощными балками потолочных перекрытий, среди разбросанных стульев и скамей. В узкие окна проливался бледный свет угасающего серого дня, с трудом рассеивающий сумрак огромного помещения, рождающий сверкающие отблески на сталкивающихся мечах. Хрипы и стоны умирающих, яростные выкрики бойцов отдавались гулким эхом в высоких дворцовых сводах. Булгары падали один за другим под мечами русичей. Вскоре все было кончено.

Дружинники долго искали Талиба. Его нашли в дальнем покое с ножом в сердце. Талиб покончил с собой. Но перед этим он умертвил свою жену и шестерых детей. Святослав в задумчивости постоял над телом болгарского царя, пораженный его внешним видом. Это был старик с лысой головой и маленькой бородкой. У мертвеца был крючковатый нос, низкий лоб, сросшиеся на переносье брови, левый глаз широко раскрыт, правого не было вовсе. Отсутствовала у Талиба и правая рука, она была отрублена по локоть. Если бы не богатое одеяние, то мертвого Талиба можно было запросто принять за грабителя с большой дороги.

Глава 5

«Иду на вы!»

Они стояли перед Иосифом уставшие, изможденные, с обветренными лицами, в пропыленных одеждах. Семеро хазарских купцов, видевших своими глазами, как войско русов разорило Булгар. Вождь русов Святослав отпустил их домой, не причинив вреда.

Один из купцов протянул Иосифу послание Святослава для хазарского кагана, записанное на кусочке пергамента черной тушью.

– Я записал послание Святослава слово в слово, – сказал купец. – Я мог бы запомнить то, что сказал мне князь русов, ведь это всего лишь короткая фраза. Но Святослав настоял, чтобы сказанное им было записано.

– Святослав очень заносчив и не любит, когда гонцы искажают его слова, – добавил другой купец с неприязнью в голосе.

Иосиф взглянул на пергамент. Фраза, записанная на нем иудейским письмом, гласила: «Иду на вы!» Иосиф перевел взгляд на торговцев:

– Святослав объявляет войну кагану?

– Именно, – ответил тот, кто передал письмо Иосифу.

«Пришли дурные времена! – печально подумал Иосиф. – Сбываются пророчества самаритян. Рабы и язычники исполчаются на избранный народ Иеговы, слетаются, подобно саранче, на тучную ниву. Выросшие в грязи и невежестве племена, подобно гуннам, стремятся обратить в прах цветущие города и селения. Воистину, все повторяется в этом мире!»

Арабы называли хазарского царя «малик», жившие среди хазар иудеи употребляли термин «пех», все тюркоязычное население каганата называло царя «каган-бег».

Когда-то у хазар царей не было вовсе, над ними правил каган из рода Ашина. Вся власть была в руках кагана. После целого столетия благоденствия хазары ввязались в долгие войны с арабами за овладение Закавказьем. Удача то сопутствовала хазарам, то напрочь отворачивалась от них. В пору военных неудач власть кагана стали оспаривать хазарские военачальники-беки. Случилось так, что один из беков по имени Булан совершил несколько победоносных походов против арабов. Хазарская знать провозгласила Булана царем, доверив ему войско. Каган же лишился права возглавлять хазар на войне. Булан стал родоначальником хазарских царей.

Кочевники-хазары были огнепоклонниками, их верховным божеством был Тенгри, солнце и властелин неба. Хазары также поклонялись земле, воде и ветрам. Когда Булан стал царем, он отказался от язычества, приняв религию иудеев. Гонимые в Европе, Персии и Египте, общины иудеев расселялись в городах Хазарского каганата, занимаясь ремеслами и торговлей. Породнившись с хазарской племенной верхушкой, богатые иудейские купцы сумели опутать знатных хазар идеями избранности, догмами Ветхого Завета и Талмуда. Вместе с новой религией хазары обрели письменность.

Хазарские цари постепенно забрали у кагана все бразды правления обширной державой, под властью которой находилось двадцать пять племен.

Род Ашина тоже был вынужден жить по «завету» Иеговы, не порывая тем не менее с языческими обрядами предков. Большая часть хазар продолжала поклоняться языческим божествам и верховному богу Тенгри, земным воплощением которого являлся каган.

Среди хазарских вельмож и купцов было немало приверженцев ислама и христианства. В хазарских городах синагоги иудеев соседствовали с мечетями и православными храмами. Веротерпимость отличала хазар от их соседей: персов, арабов и ромеев.

С распадом арабского Халифата хазары избавились от арабской угрозы из-за Кавказских гор. Однако пришедшие из-за Волги орды печенегов подорвали мощь Хазарского кага-

ната настолько, что хазарам пришлось уступить воинственным печенегам свои лучшие пастбища у Днепра и Дона.

Ослаблением хазар воспользовались некоторые из кавказских племен, отказавшиеся платить дань хазарам. Ромеи окончательно вытеснили хазар из Тавриды. Вышли из повиновения каганату славяне, живущие по Днепру и его притокам.

Царь Иосиф, сын Аарона, все откладывал поход на Русь, затеяв войну с набирающей силу Грузией и отражая набеги касогов из-за реки Кубань. И вот промедление обернулось для хазар нашествием русов, заключивших союз с печенегами.

Отпустив торговцев, Иосиф долго бродил в одиночестве по дворцовым залам и переходам, наполненным прохладой. Гладкие колонны из мрамора охладили ему руку, когда он прикасался к ним. Мозаичные полы под ногами у царя своими узорами и яркими красками напоминали хорасанские ковры. Фрески на стенах кое-где потрескались; дворец был очень древний.

Мысли путались в голове у Иосифа. Все опасности, грозившие каганату в прошлом, были ничто в сравнении с этой надвигающейся бедой. Союз Руси и печенегов – это смертельная угроза для хазарского государства! Иосифа угнетало то, что именно на его плечи свалилось это бедствие.

По широким ступеням из известняка царь поднялся на озаренную солнцем террасу, огражденную перилами и колоннадой. После полумрака внутренних помещений яркие солнечные лучи заставили Иосифа зажмурить глаза. Царь подошел к мраморным перилам.

Прямо перед ним, куда ни глянь, расстилались кварталы огромного города: улицы, площади, дома, храмы... Сверкали на солнце блестящие купола христианских церквей, увенчанные крестами; отливали позолотой полумесяцы на шпилях мусульманских мечетей. Среди желтых глинобитных домов выделялись разноцветные юрты кочевников.

Царский дворец возвышался посреди цитадели, расположенной на продолговатом песчаном острове. Этот остров, вернее, обтекающая его широкая протока делила столицу хазар на две части, восточную и западную. Западный город был обнесен высокой стеной из желтого кирпича, отсюда было его название Сарашен – «Желтый город». Восточная часть столицы называлась Хазаран, что значит «Город хазар».

Иосиф прислонился плечом к колонне и, усмехаясь недоброй усмешкой, вновь пробежал глазами короткое и такое дерзкое послание Святослава. Дикарь! Кому он смеет грозить?!

При взгляде на синеву небес у Иосифа закружилась голова. Он на мгновение закрыл глаза и невольно вздрогнул: кто-то тронул его за рукав. Это был немой карлик-слуга. Иосиф устремил на него вопрошающий взгляд. Карлик сделал несколько быстрых жестов пальцами: «Господин, там пришел твой брат. Ты посылал за ним».

Иосиф тряхнул длинными волосами, словно отгоняя какую-то навязчивую мысль. Его губы решительно сжались, серо-голубые глаза сверкнули воинственным блеском. Царь торопливым шагом устремился вниз по ступеням. Карлик еле успевал за ним, семена короткими кривыми ножками в зеленых башмаках.

Рядом с Иосифом его младший брат Бецалел выглядел грознее и мужественнее. Иосиф был невысок и строен. Его бледное лицо и впалые щеки придавали ему облик аскета, а не воина. Бецалел был почти наголову выше Иосифа, его крепкое мускулистое тело, казалось, было создано для ратных трудов. В глазах Бецалела был тот особый блеск, какой бывает у людей, которым приходилось глядеть в необъятные пространства впереди и видеть смерть лицом к лицу.

Иосиф кратко пересказал брату все, что услышал от купцов, вернувшихся из Булгара, разоренного русами.

– Теперь войско русов идет сюда, – добавил Иосиф. – Вместе с русами идут печенежские орды. – Иосиф перечислил имена печенежских ханов, примкнувших к Святославу. – Нам предстоит труднейшая битва, брат.

Бецалел покачал головой. На его нахмуренном лице отразилось мгновенное усилие сообщить, что несет ему эта новость, что несет она всем хазарам.

– Велико ли войско Святослава? – спросил Бецалел.

– По слухам, около тридцати тысяч воинов, – ответил Иосиф. – Да печенегов не меньше двадцати тысяч.

Бецалел взглянул на брата:

– Пойдешь к кагану?

Иосиф кивнул.

– Что делать мне?

– Разошли гонцов по кочевьям. Торопи беков со сбором войска. Отправь дозорных на северо-восток, надо встретить Святослава подальше от столицы.

Бецалел прижал ладонь к груди, чуть склонив голову.

– Все сделаю, брат. Можешь положиться на меня.

«На кого же еще мне положиться, как не на тебя, брат, – с грустью подумал Иосиф, глядя на широкую спину удаляющегося Бецалела. – Ты – моя единственная опора!»

* * *

Иосиф не любил ходить во дворец кагана. Этот огромный чертог, окруженный малыми дворцами, садами и виноградниками, обнесенный прочной стеной, по сути был городом в городе. Простым людям доступ сюда был запрещен. Выше дворца кагана были только минареты некоторых мечетей.

Каган редко покидал свое роскошное жилище, это случалось во время больших праздников или в пору великих бедствий. Для хазар-кочевников каган, как и встарь, оставался божественным светочем, заступником народа, избавителем от несчастий. Богатые хазары, жившие в городах, давно утратили чувство преклонения перед каганом, прекрасно зная, что кагана сажают на трон хазарский царь. Царь же может расправиться с каганом, если тот окажется неугоден хазарской племенной верхушке.

Нынешнего кагана посадил на трон Аарон, отец Иосифа. Его предшественника удавили веревкой по приказу Аарона, который не выносил, когда плетут интриги у него за спиной. В большинстве случаев интригами занималась многочисленная свита кагана, алчная и завистливая. Именно свита подталкивала кагана к необдуманным шагам ради какой-то своей выгоды, даже если эта выгода порой стоила кагану головы.

Всем детям из рода Ашина давали тюркские имена. Если кто-то из возмужавших сыновей становился каганом, то вместе с принятием иудаизма очередной каган получал второе имя, непременно иудейское. Это второе имя кагана заносилось в дворцовую летопись. В обычной же жизни кагана продолжали называть прежним тюркским именем.

Перед тем, как войти во дворец кагана, Иосиф оставил свою свиту на залитых солнцем горячих плитах дворцовой площади. Здесь по утрам и вечерам упражнялись во владении оружием керханы, телохранители кагана. У высоких резных дверей из черного дерева Иосиф снял с головы круглую шапочку, отороченную мехом куницы, стянул с ног сапоги из мягкой кожи, положил на землю кинжал в позолоченных ножнах. К кагану нужно являться только так, босым и смиренным.

Сопровождаемый двумя привратниками-чаушиарами, Иосиф вступил в прохладный полумрак дворцового коридора. Мраморные плиты пола неприятно холодили Иосифу босые ступни. Струйки дыма от горящих факелов, как змеи, ползли к высокому сводчатому потолку.

У тронного зала один из привратников с поклоном протянул царю горящую лучину, пропитанную благовонными смолами. Иосиф безропотно взял кусочек горящего дерева, подержал в руках и вернул чаушиару. Таков обычай: хазары верят, что благовонный огонь очищает

человека от дурных мыслей, а перед лицом кагана всякий проходящий должен быть с чистой совестью.

Золотой трон кагана стоял на возвышении в просторном круглом зале. Над троном был растянут балдахин из алого индийского шелка с золотыми кистями. Лучи солнца, проливаясь сверху через узкие окна, яркими пятнами расцвелили богатые ковры на полу. Трон был пуст.

К Иосифу приблизился кендер-каган, управитель дворца. Роскошь его одежд затмевала одеяние царя.

– Мое почтение тебе, каган-бег! – Дворецкий поклонился Иосифу, прижав ладони к груди. – Что привело тебя в покой равного богам?

– Сущий пустяк, Мофаз, – с кривой усмешкой проговорил Иосиф. – Вот!

Царь протянул дворецкому клочок пергамента.

– Что это? – Толстый рыжебородый Мофаз был в легком недоумении.

– Это письмо князя Святослава к равному богам. Прочти.

Мофаз пробежал записку глазами и нахмурился, его красивые, как у женщины, глаза беспокойно метнулись к Иосифу.

– Это угроза, что ли? – пробормотал дворецкий, возвращая записку. – Неужели божественному повелителю стоит опасаться какого-то князя русов?

– Стоит, если уж я пришел сюда, – сурово произнес Иосиф. – Святослав победил буртасов, разбил волжских булгар, теперь идет на нас. С ним тысячи печенегов, жаждущих разграбить наши богатства. Где божественный повелитель?

– Светоч мудрости сегодня недомогает, – печально опустив глаза, ответил дворецкий. – Лучше тебе прийти завтра, каган-бег.

– Послушай, Мофаз, – ледяным голосом заговорил Иосиф, – надвигающийся на нас враг очень силен. Имеющейся у меня конницей Святослава не остановить. Нужно вооружить всех жителей столицы, способных держать оружие. Еще мне нужны телохранители кагана, все до единого.

– Но... – Мофаз не успел договорить.

– Русы и печенеги уже близко! – Иосиф с силой схватил дворецкого за шелковый рукав бухарского халата. – Передай божественному повелителю, что на сборы войска у нас всего несколько дней. Пора ударить в большой барабан!

– Где кочевые беки? – воскликнул Мофаз. – Надо послать за ними гонцов!

– Гонцы уже посланы, – хмуро сказал Иосиф, – но я не уверен, что вожди родов и племен успеют вовремя привести к столице свои отряды. В эту пору года кочевья разбросаны по всей степи, только на их поиски уйдет немало времени.

– Тогда надо слать гонцов за помощью в Беленджер и Семендер, – с надеждой в голосе произнес дворецкий.

– До Беленджера три дня пути, до Семендера еще дальше... – Иосиф тяжело вздохнул. – К тому же опасно выводить оттуда войска ввиду угрозы со стороны картлийского царя Баграта. Грузины непременно ударят нам в спину, если русы одолеют наше войско.

– Я передам сказанное тобой божественному светочу, – сказал Мофаз, с почтительным жестом отступая на шаг от царя. – Я буду убедителен и настойчив. Возможно, мне удастся уговорить мудрейшего из мудрых пойти тебе навстречу, каган-бег.

Из дворца кагана Иосиф вернулся переполняемый раздражением. За всей этой пышностью и церемонностью стоит ничтожный человек, называемый каганом. До него трудно достучаться даже царю! Кагана оберегает целое войско, ему прислуживают сотни слуг, в его гареме двадцать пять жен, по числу подвластных племен. Подданные взирают на кагана, как на главного заступника от всяких бед и любых врагов. На деле же овеванный божественным величием каган сам нуждается в постоянной защите.

Иосиф опасался, что в большой барабан так и не ударят, а без этого быстро собрать пешее войско невозможно. В большой барабан били только с разрешения кагана, в случае, когда враг угрожал непосредственно столице Хазарии. После полудня большой барабан, помещенный на башне, примыкающей к дворцу кагана, все же зазвучал. Эти грозные ухающие раскаты долго плыли над притихшими улицами и площадями хазарской столицы.

Основной боевой силой Иосифа была тяжелая конница арсиев. Так назывались мусульманские наемники, составлявшие ядро хазарского войска. Конников-арсиев было ровно десять тысяч. Это были опытные воины, не знавшие иного ремесла кроме войны.

Собственно хазарская конница состояла из отрядов, возглавляемых родовыми вождями-беками. Если арсии постоянно находились в столице, то отряды беков большую часть года проводили в кочевьях. Среди беков не было единства, поскольку с приходом печенегов хазары лишились многих богатых выпасов для скота, а это приводило к раздорам среди хазарских родов, занятых переделом оставшихся пастбищ. К тому же знать столицы, давно отделившаяся от степного образа жизни, смотрела свысока на хазар-кочевников.

Как Иосиф и предполагал, отряды конных хазар быстро подошли к столице только из ближних кочевий. Эти отряды насчитывали пять тысяч всадников. Пешее ополчение состояло из двадцати тысяч человек. Во главе пехоты стоял Даньгу, брат кагана. Своих телохранителей каган не дал Иосифу. Бецалел привел три тысячи конных гузов, которых хазары использовали в качестве наемников в войнах с печенегами и касогами.

Один за другим возвращались гонцы из дальних хазарских кочевий с утешительными вестями. Беки собирают конные дружины, чтобы поспешить на зов царя Иосифа. Опасность, грозящая Итилю, всколыхнула всех. Итилем хазары называли Волгу, такое же название носила хазарская столица.

Глава 6

Свет алых облаков

С борта ладьи открывался завораживающий вид на вольный волжский плес, покрытый мелкой рябью. От прыгающих в этой ряби солнечных зайчиков слепило глаза. Мимо проплывали узкие, заросшие тростником острова, с которых с шумом взлетали большие стаи чаек, гусей, куликов...

Волжские берега то уходили ввысь каменистыми уступами, то вздымались холмами, покрытыми густыми лесами, то расстилались необозримыми степями. Могучая река катила свои воды на юг, к Джурджанскому морю. Много племен жило по берегам Волги. В ее лесистых верховьях расселились славяне и чудские племена. На среднем течении, там, где в Волгу впадает широкая Кама, основали свое государство болгары, рядом с которыми кочуют буртасы и черемисы. К югу от болгар живут гузы, занимая почти все левобережье Волги. На правобережье с недавних пор обосновались печенеги, сильно потеснившие хазар.

Святослав с интересом слушал купца Авдея, взятого им в качестве проводника. Авдей был родом из Смоленска. Он хорошо изучил волжский торговый путь, меняя пушнину на тонкие восточные ткани. В Итиле у Авдея был собственный дом и торговая лавка. Пронырливый купец женился на хазаринке, которая родила ему детей и помогала вести торговые дела. В Смоленске у Авдея была русская семья.

– Ты же христианин, Авдей, – с усмешкой молвил купцу Святослав, – а христианам нельзя иметь две жены, это грех.

– Грех бросать жену, княже, – не смутился Авдей. – Я свою русскую жену не обижаю и не гоню, хотя сердцем давно присох к хазарской супруге. И о детях я пекусь, как о русских, так и о хазарских. А бог меня простит. На свете полно грешников и помимо меня.

– Так ты говоришь, Итиль вельми велик и богат? – вернулся Святослав к первоначальной теме разговора.

– Честно скажу, княже, – ответил Авдей, – обширнее города я не видел. Торговую в южных странах я уже тридцать лет, бывал и в Дербенте, и в Ширване, и в Семендере. Бывал в Тебризе и Трапезунде. Все эти города намного меньше Итиля. Лишь один город превосходит Итиль размерами и великолепием – это Царьград!

– Ты и в Царьграде бывал? – удивился Святослав.

– Довелось побывать... – сказал Авдей. И восхищенно добавил: – Верь мне, князь. Там, где стоит Царьград, и есть центр мира! Каган хазарский, конечно, богатый властелин, но василевс ромеев во сто крат богаче! Ежели весь Киев пожелует на пир к василевсу – все равно гости будут есть и пить токмо из драгоценной посуды.

– То-то василевсы ромейские откупаются данью от печенегов, чтобы те не грабили их владения, – презрительно бросил находившийся тут же Свенельд, переглянувшись со Святославом.

Хазарская столица открылась взорам русичей на девятый день после оставления ими Булгара. Издали казалось, будто город парит над рекой. Когда ладьи подошли поближе, то стало казаться, что Итиль вырастает прямо из волжской воды.

Авдей поведал Святославу, что столица хазар раскинулась по обоим берегам Волги, а центральная ее часть лежит на низких островах. Потому-то со стороны кажется, что город вырастает прямо из реки.

Русское войско выгрузилось из ладей на правый берег Волги и расположилось станом посреди сухой, продуваемой ветрами степи. Вокруг не было ни дерева, ни кустика. Лишь уносились в даль стайки испуганных сайгаков и любопытные суслики торчали столбиками возле своих глубоких нор.

Отсюда Итиль был почти не виден. Сквозь дымку у горизонта на юго-западе можно было разглядеть только высокие минареты, похожие на копья. Зато с соседнего невысокого холма открывался вид на хазарский военный лагерь. Оттуда доносился рев верблюдов и крики ослов.

Святослав не торопился со сражением. Он ждал, когда подойдут печенеги и русская конница, путь которых пролегал по бездорожью вдоль берега великой реки.

Каждый день Авдей чертил на прибрежном песке план Итиля, подробно рассказывая Святославу и его воеводам, где находится дворец кагана, где цитадель каган-бега и дворец его жены, где расположены рынки и караван-сарай, где стоит соборная мечеть, а возле нее казармы арсиев...

Святослав, задумавшись, подолгу сидел на корточках возле плана хазарской столицы или бродил вокруг медленными шагами, не отрывая глаз от набросанной на песке схемы кварталов и улиц. Никто из старших дружинников не лез к князю со своими советами, зная по опыту: когда Святослав размышляет, ему лучше не мешать.

Через три дня подошли конные полки. Собрав воевод на совет, Святослав объявил:

– Биться с хазарским войском и штурмовать Итиль будем в один день.

Воеводы недоумевающе переглядывались и перешептывались, явно озадаченные услышанным.

– Столица хазар вельми огромна! В центре ее – мощная крепость на острове. Дворец кагана тоже представляет собой крепость, к тому же весь Западный город обнесен крепостной стеной, – пустился в разъяснения Святослав. – Ежели запрутся хазары в столице, то увязнем мы тут надолго. Поэтому, други мои, пешие полки ворвутся в Итиль на ладьях по реке. В это же время конные полки завяжут сражение с хазарами, что против нас исполчились. Я пойду с конными дружинами. Ежели падет моя голова, войско возглавит Сфенкел. Пешую рать поведут Свенельд и Перегуд.

Воеводы загалдели, пораженные дерзким замыслом Святослава. Почти все они полагали, что этот замысел гибельный. Первым заговорил Свенельд, пытаясь образумить князя:

– Войско хазар ничуть не меньше нашего, княже. Хазары на своей земле, и драться они будут свирепо. К тому же степь голая вокруг, для хазарской конницы самое раздолье. Нельзя разделять пешцев и конников перед столь тяжелой битвой!

Свенельда поддержал длиннородый Вуефаст:

– Верные слова, клянусь Перуном! Нам бы воинство хазарское разбить, а Итиль никуда не денется. Без войска Итиль не спасут ни стены, ни башни.

– Опасная это затея, княже, – хмуро пробасил плечистый Икмор. – Все равно что одному с двуруким бороться.

– Как еще на это печенежские ханы посмотрят, – вставил кто-то из старших дружинников.

Выслушав воевод, Святослав решение свое не изменил. Он сам отправился к печенегам, чтобы оповестить ханов о своем замысле и взбодрить их, если те засомневаются в успехе.

К удивлению Святослава, печенежские вожди несколько не оробели и единодушно выразили готовность сразиться с хазарами, даже если тех будет в три раза больше. Печенегов манил набитый сокровищами Итиль, минареты которого маячили вдали. В прошлом печенежские ханы не раз пытались прорваться к столице Хазарии. Однако всякий раз хазары ставили на пути печенежских орд непреодолимую преграду – закованных в железо арсиев.

Ныне печенеги надеялись победить арсиев с помощью русов, и тогда сокровища кагана можно будет потрогать руками.

Садясь на своего коня, Святослав слышал гомон радостных и возбужденных голосов, доносящихся из юрты, где происходил совет ханов. Печенежские вожди в предвкушении близкой победы и такой желанной для них добычи распивали кумыс, поздравляя друг друга с великой удачей.

Вечерело. Святослав медленно ехал к своему стану, небрежно сидя в седле. Сопровождавший князя гридень проворчал:

– Ишь, как радуются ханы завтрашной битве. Делят шкуру неубитого медведя!

– Что я слышу, Тревзор? – взглянул на дружинника Святослав. – Ты не веришь в победу над хазарами?

Гридень промолчал. Лгать Тревзор не умел, а выдать князю свои истинные думы не решился.

* * *

Рассвет застал Святослава уже на ногах. Русский стан просыпался. Ратники не разводили костров, не готовили пищу – предстояла битва. В сечу лучше идти с пустым желудком.

Печенежский стан был похож на растревоженный муравейник.

Святослав собрал воевод, чтобы отдать последние распоряжения. С князем никто не спорил, все были готовы стойко встретиться с опасным врагом лицом к лицу. Жрецы в белых длинных одеждах с торжественными лицами принесли богам бескровные жертвы: семена ржи и проса.

Святослав смотрел, как пешая рать грузится на ладьи. В толчее с коротким лязгом сталкивались наконечники копий, глухо стучали о деревянные борта ножны мечей и края овальных щитов. Ратники в кольчугах и шлемах со стороны все были похожи друг на друга. Первой отвалила от берега ладья со стягом Свенельда. Трубы молчали: русичам предстояло как можно тише подкрасться по реке к спящей хазарской столице.

Утро разгоралось. Только что все вокруг казалось серым и невзрачным, но вот пробившиеся над горизонтом солнечные лучи окрасили гряды облаков ярко-красным отблеском. Вскоре уже весь небосвод на востоке полыхал сочным пурпуром взошедшей зари. Свет алых облаков насытил голубые небеса зловещим кровавым подбоем, казалось, сквозь облака пытается прорваться свирепое негасимое пламя.

– Что сулят нам эти алые облака, отец мой? – обратился к старшему жрецу Святослав, собираясь надеть на голову шлем.

За спиной Святослава стоял Тревзор, держа в руках копьё и щит князя.

Ходимир, убиравший в сумку священные амулеты, ворчливо ответил, не глядя на Святослава:

– Земля сегодня кровью умоется, княже. Вот к чему сия огненная заря. Дерзай, сын мой! Ты долго гонялся за славой, ныне пришел твой день!

Святослав широко улыбнулся и уверенным движением покрыл голову островерхим шлемом.

– Приходили на Русь обры, да сгнули, ныне пришел черед хазар! – громко сказал князь. – Помолись за нас, отче. Пусть боги укрепят дух соратников моих.

К Святославу подвели коня с длинной гривой. Он легко вскочил в седло.

Ходимир распрямил спину, взглянул на князя голубыми пронизательными глазами.

В его голосе прозвучало неколебимое спокойствие:

– Смело иди в сечу, князь. Стрибог тебе поможет. Видишь, ветер с востока! – Старый жрец поднял вверх руку в белом рукаве, указывая направление ветра.

Святослав развернул свою конницу широким фронтом. В центре стояла русская дружина, на флангах расположились печенеги. Чтобы сбить с толку вражеских военачальников, Святослав отобрал из пешего воинства шесть тысяч ратников, расположив их за холмом таким образом, чтобы были видны только верхушки копий. Пусть у врагов создается впечатление, будто в низине притаилась вся пешая русская рать.

Хазарское войско выстроилось в две линии. Впереди стояла конница, позади нее плотными шеренгами застыла пехота, ошетилившаяся лесом тяжелых пик.

Царь Иосиф, удерживая на месте серого в яблоках жеребца, опытным взглядом обегал сверкающий кольчугами и шлемами конный строй русов, густые отряды печенегов на рыжегных конях. Почему-то славянская пехота оттянута Святославом далеко назад. Впрочем, не это обстоятельство слегка обеспокоило Иосифа, а то, что Святослав отчего-то медлит начинать битву. Неужели князь русов робеет? А может, Святослав что-то затевает?

Солнечный свет, пробив гряду облаков, озарил равнину, покрытую войсками. В небесной вышине парили орлы, прекрасно знавшие, для чего собираются такие скопища облаченных в железо людей. Кружился вихрями мелкий песок, подхваченный порывами ветра. Ветер дул в лицо хазарским воинам.

«Вот оно что! – усмехнулся про себя Иосиф. – Святослав выжидает, когда ветер окрепнет и поднимет в воздух тучи пыли. Ему такой ветер в подмогу!»

Иосиф взмахнул рукой. Протяжный рев боевых хазарских труб расплескал чуткую утреннюю тишину. Когда-то звуки этих труб наводили ужас на любого врага. Хазарская конница пришла в движение. Глухой топот многих тысяч копыт ширился и рос, превращаясь в грозный гул. Этот гул отзывался радостной музыкой в сердце Иосифа.

Иосиф направил против русской дружины неустрашимых арсиев, доселе почти не знавших поражений в столкновениях с врагами. Арсии сшиблись с русами, и все разом смешалось в яростный клубок. Завывания арсиев и выкрики русичей, хрипы и ржание лошадей, лязг мечей и глухие удары копий в щиты – эти звуки битвы разливались вширь по мере того, как все новые конные отряды хазар и печенегов сливались в единый хаос, звенящий железом. Покров земли, сотканный из душистых степных трав и цветов, едва начинающих буреть от летнего зноя, устилали тела мертвых и раненых воинов. Среди разбросанного оружия торчали воткнувшиеся в землю стрелы.

Даже у бывалых дружинников Святослава в этой битве невольно дрогнуло сердце. Арсии были подобны злым демонам, коих не берет ни меч, ни копьё, ни боевой топор. В своих бухарских панцирях и ширванских кольчугах арсии были почти неуязвимы. Стрелы отскакивали от них, как от заговоренных.

Перед Святославом мелькали ярко-желтые и ярко-синие круглые щиты арсиев с острым умбоном посередине, их быстрые, слабо изогнутые сабли высекали искры, сталкиваясь с его мечом. Отвершие шлемы арсиев имели ребристую поверхность, верхушки шлемов были украшены полумесяцем. Стиснув зубы, Святослав рубил и колот мечом, не чувствуя усталости. Наконец-то его меч окрасился вражеской кровью! Смертельно раненный воин с полумесяцем на шлеме вывалился из седла с разрубленной шеей.

В следующий миг под князем убили коня. Святослав свалился на примятую траву и на какое-то мгновение оцепенел, пораженный видом своих убитых дружинников. Их было так много! Гораздо больше, чем убитых врагов. Расторопный Тревзор спешил и помог Святославу высвободить ногу из-под туши убитого коня. Князя окружили гридни, заслонив щитами от стрел и дротиков арсиев, – вокруг кипела битва! Рядом со Святославом оказался Сфенкел. Его шлем был помят, щит был утыкан стрелами.

– Дрянь дело, княже! – проворчал воевода, переводя дух. Пот лил с него градом. – Враг не гнется, не ломается, словно из железа выкован! Боюсь, всю дружину в сече покладем.

Сказанное Сфенкелом только разозлило Святослава. Неколебимо уверенный в себе, он терпеть не мог малейшего слабоволия в тех, с кем прошел многие сражения и опасности. Святослав потребовал коня и, уже сидя в седле, сердито бросил Сфенкелу:

– Победа над сильным врагом слаще, а слава громче!

Арсии стояли непробиваемой стеной, не уступая напору русичей. Только свирепое упорство Святослава, неизменно находившегося в самой гуще сражения, позволяло русичам на

равных противостоять гвардии хазарского царя. Арсии отступили лишь тогда, когда печенеги, разбив конницу хазар и гузов, ударили на них с двух сторон.

Куря разыскал Святослава на поле, густо заваленном телами воинов и убитыми лошадьми. Истоптанная трава была полита темной кровью. Кое-где убитые арсии и русские дружинники лежали горами, то были страшные свидетельства несгибаемой отваги и ратного умения тех и других.

Куря изумленно качал головой, оглядывая место ужасной сечи. С первого взгляда было видно, что русов полегло очень много, но и арсиев пало немало. Святослав сидел на туше убитого коня, сняв сапоги. Рядом торчал княжеский меч в крови по самую рукоятку. Вокруг в разных позах лежали сраженные князем арсии. Куря насчитал семь тел, у четверых мертвецов не было головы. Эти головы в островерхих шлемах с полумесяцем валялись тут же в траве.

– Ты – великий воин, князь! – восхищенно проговорил Куря. – Я дважды встречался с арсиями в конных стычках и оба раза с трудом уносил от них ноги, потеряв много людей. Твоя дружина выстояла против арсиев больше часа и не побежала.

– Благодарю за подмогу, хан, – устало промолвил Святослав. – Тяжко нам пришлось ныне, но и враг пообломал об нас зубы!

Русичи разыскивали среди порубленных тел своих раненых и уносили их в свой стан.

Со стороны хазарского войска опять взревели трубы, в битву двинулась хазарская пехота.

– Да помогут тебе боги, князь! – сказал Куря и поспешил туда, где выстраивались для новой сечи его поредевшие конные сотни.

– Держите крепко фланги! – бросил Святослав вслед хану.

К удивлению печенегов, дружина Святослава спешила и присоединилась к отряду пеших ратников, занявших центр русского войска.

Длинная линия красных русских щитов перегородила степь.

Печенежские всадники непрерывно обстреливали из луков надвигающихся хазар. Сраженные меткими стрелами хазары валялись в степную траву, но грозный вал их пехоты продолжал двигаться вперед. Конные хазарские лучники не оставались в долгу, выпуская в сторону русов и печенегов тучи стрел.

Святослав, не слушая возражения воевод, занял место в передней шеренге. Рядом с князем находился верный Тревзор.

Хазары были полны решимости победить любой ценой. К тому же их было в два раза больше, чем русичей. Склоненные частоколы копий, направленные с двух сторон, уперлись в щиты. Хазары напирали, русичи пытались их сдержать. Задние воины давили в спину передним. Усилия и напряжение многих тысяч людей, сгрудившихся на небольшом пространстве степи, рождали стоны и вопли, сливавшиеся в непрерывный монотонный рев.

Казалось, сцепились мертвой хваткой два чудовища, жаждущие крови. Фланговые наскоки печенегов хазары отражали дружными залпами из луков. Святослав кричал и бранился, требуя у своих ратников напрячь все силы, не поддаваться вражью натиску, но многочисленность хазар давала себя знать. Шаг за шагом весь строй русской пехоты подавался назад, напор давившей на русичей силы был слишком велик. Боевые порядки русского войска в любой момент могли где-то разорваться, и тогда разгром будет неизбежен. Это понимал Святослав и потому неистовствовал во всю силу своих легких.

Неожиданно Тревзор бросил щит и копье, выхватил из ножен меч. Согнувшись, он ловко проскочил под наклоненными хазарскими копьями, поразив в живот двух хазар в передней шеренге. В эту брешь тут же рванулся Святослав, за которым последовал здоровяк Икмор с секирой в руках. Эти трое, подобно вихрю, ворвались в плотные ряды хазар, раздавая удары направо и налево. За ними следом устремились прочие ратники с торжествующими криками, размахивая мечами и топорами.

От страшной секиры Икмора в разные стороны летели отрубленные руки и головы, брызгала кровь из рассеченной человеческой плоти. Ни щиты, ни панцири не выдерживали ударов Икмора, иных хазар он разрубал наискось от шеи до пояса, у иных выпускал наружу внутренности, дробя ребра и кости.

Святослав был забрызган кровью с головы до ног, без устали разя врагов, которых по-прежнему не убывало. Щит Святослава треснул пополам. Князь бросил его и взял в левую руку хазарский меч. Действуя двумя мечами, Святослав прорубался в глубину вражеских шеренг. Сталь звенела и лязгала, с хрустом лопались разрубленные черепа. Князь уворачивался, рубил, отбивал удары, снова рубил... Хазары расступались перед ним, словно волки перед рассвирепевшим медведем.

Воинов томила жажда. Полуденное солнце изливало на землю палящий зной. Ветер разогнал облака. Горячий воздух дрожал, искажая предметы и фигуры людей.

Ударом меча в грудь Святослав пробил насквозь хазарского военачальника, который бросился на него с громким воплем. Тот так и умер с открытым ртом и широко распахнутыми глазами, сабля выпала из его безжизненной руки. Когда мертвое тело рухнуло к ногам Святослава, звуки битвы еще звучали у него в ушах.

Однако случился какой-то надлом в происходящем кровопролитии. Хазары опустили оружие. Толкаясь, они скопом побежали в сторону своего стана. Оттуда доносились призывные сигналы труб. С трудом переводя дыхание, Святослав огляделся. Вот стоит, опираясь на секиру, Икмор, весь измазанный кровью. Рядом с ним, слегка пошатываясь, стоит Тревзор. Он потерял шлем, мокрые от пота пряди волос облепили ему лоб и щеки. Тут же другие дружинники, усталые и израненные, с недоумением на лицах.

– Что случилось? – хрипло окликнул Икмор Святослава.

Ему, опытному воину, было странно видеть это отступление хазар, всего за минуту до этого показавших столько доблести и бесстрашия. Вместо ответа Святослав пожал плечами. Он и сам пребывал в недоумении. Похоже, в сражение вмешались божественные силы. Может, грозный Перун в невидимом обличье стал на сторону русичей и поворотил врагов вспять.

Истинная причина отступления хазар была другая. К Иосифу примчался гонец с оглушающим известием: русы ворвались в Итиль! Каган просит Иосифа о помощи! Дворец кагана окружен русами!

Иосифа постигло горькое прозрение. Вот почему Святослав медлил начинать битву, вот она уловка русского князя! В то время как конные отряды русов и печенегов отвлекали на себя главные силы хазар, пешая рать Святослава на ладьях проникла в Итиль. Русы нанесли удар в самое сердце Хазарии!

Бросив стан и множество раненых, хазары спешно ушли к своей столице. Впереди растянувшихся хазарских колонн во главе арсиев мчался царь Иосиф. Не о кагане думал Иосиф, погоняя коня, но о своей семье и богатствах, укрытых в цитадели на острове.

* * *

Никогда в жизни Свенельду не везло так, как в этот день. За свою долгую ратную жизнь воевода участвовал в штурмах и осадах не одного десятка городов и крепостей. В основном это были славянские городки да городища лесных племен. Население в таких городках было немногочисленно, и добычи там набиралось немного, в основном скоро да съестные припасы. И вдруг войско Свенельда почти без боя захватывает крупнейший город, многолюдный и богатый.

Восточная сторона Итиля покорилась русам без сопротивления, там проживали все больше купцы и ремесленники. Тихо и безлюдно было в западной части Итиля, где жила мест-

ная знать. Жители прятались в домах. В цитадель на острове русичам пришлось пробиваться силой, хазарских воинов там было мало, и должного сопротивления они оказать не могли.

Настоящее сражение развернулось у дворца кагана. Четыре тысячи керханов встретили воинов Свенельда градом стрел и дротиков. Это были телохранители кагана, опытные в военном деле. Керханы сражались в пешем строю, поскольку редко покидали Итиль. Русичам удалось взломать главные ворота и ворваться под своды дворца.

Свенельд всюду успевал сам. В нем полнее, чем в любом из ныне здравствующих варягов из окружения Святослава, воплотились все самые слабые и сильные стороны его рода. Он был высокого роста, сухощавый, но крепкий. Носил усы и короткую бороду. Его загорелое лицо с правильными, немного мелкими чертами было исполнено живой решимости, скрытой под маской бесстрастия. Пытливые светло-серые глаза Свенельда часто пребывали в легком полуприщуре. Сдержанность была у него в крови, и велико должно было быть его волнение, чтобы глаза эти раскрылись во всю ширь.

Именно так и случилось, когда Свенельд увидел воочию сначала сокровищницу хазарского царя, а потом несметные богатства во дворце кагана. Старый варяг был потрясен до глубины души! Он бродил, как пьяный, по гулким залам, спотыкаясь о тела перебитых керханов, и что-то бормотал себе под нос. Соратники Свенельда впервые видели его таким.

Это был человек волевой, осторожный, находчивый, наделенный огромным самообладанием. Свенельд не одобрял затей, если их нельзя было тут же претворить в действие. Он был необыкновенно аккуратен и всякое дело доводил до конца. Свенельд умел прощать лишь те слабости и сочувствовал лишь тем несчастьям, которые знал по собственному опыту. Таким он был в двадцать лет и таковым оставался в шестьдесят с небольшим.

Хазарское войско, ворвавшееся в Итиль с запада, не застало русичей врасплох. Свенельд приказал разобрать наплавные мосты, соединявшие островные части Итиля с обоими волжскими берегами. Все лодки и торговые суда русичи предусмотрительно отогнали к островной цитадели.

Хазарская конница ушла из столицы в степь, едва дошел слух о приближении Святослава. Пешее хазарское воинство сложило оружие и разошлось по домам, когда стало известно, что каган находится в плену у русов.

Глава 7

Сокровища кагана

Дневной жар окутал все вокруг опаловой дымкой, словно покрывалом. Из окна были видны верхушки деревьев, за ними виднелась желтая кирпичная стена с башнями, за стеной искрилась на солнце широкая волжская протока.

Постояв у окна, Святослав вернулся к креслу и сел. Станные чувства переполняли его со вчерашнего вечера, когда он переступил порог этого великолепного дворца. Сидевший напротив Свенельд возобновил прерванный разговор.

– Вот я и говорю, княже. От здешних сокровищ глаза разбегаются! Боюсь, нам ладей не хватит, чтобы вывезти отсюда все богатства. Отдохнем несколько дней и можно на Русь возвращаться. Сензорник уже на исходе...

– А я на сем войну с хазарами оканчивать не собираюсь, – прервал старого варяга Святослав. – Рано ты домой собрался, воевода.

– Как же так, княже? – Свенельд выглядел озадаченным. – Неужто к Джурджанскому морю пойдешь? Я слышал, в той стороне много богатых городов, токмо сокровищ у нас и так полным-полно!

– Не за сокровищами я пойду, – сказал Святослав. – На берегу Джурджанского моря лежит Семендер, древняя столица хазар. Туда ушел хазарский царь с остатками своего войска. О том мне пленные хазары поведали. Война не окончена, воевода.

– Не дразнил бы ты лихо, княже, – предостерег Свенельд. – Ты видел свирепость хазар в сече. Ныне нам повезло, а что будет завтра – неизвестно.

– Такого зверя недобитым оставлять нельзя. – Святослав упрямо сдвинул низкие брови. – Уж ежели сцепились мы с хазарами на их исконной земле, то надо воевать до полной победы. Сие зло нужно вырвать с корнем!

Святослав потряс тяжелым кулаком.

Многим воеводам было по душе мнение Свенельда. Однако все знали неукротимый нрав Святослава, поэтому никто из старших дружинников не посмел оспаривать решение князя.

Святослав все слышал и замечал. Он знал, что самым яростным противником продолжения войны с хазарами является воевода Перегуд. Он, не стесняясь, вслух выражал чаяния тех дружинников, которые предлагали поделить сокровища кагана и возвращаться на Русь.

Именно Перегуда Святослав решил оставить в Итиле оберегать захваченные богатства. После захвата Семендера Святослав собирался вернуться в Итиль и уже отсюда двигаться домой со всей захваченной добычей.

Вместе с Перегудом Святослав спустился в сокровищницу кагана, чтобы отделить долю военной добычи для печенежских ханов. Князя и воеводу сопровождали купец Авдей, знающий хазарскую грамоту, и бывший казначей кагана. Этого хазарского вельможу звали Иоханан.

Яркий свет масляных светильников, расставленных на выступах каменной стены, озарял длинные ряды больших сундуков, обитых медью. Поднимая покрытые вековой пылью скрипучие крышки, Иоханан рассказывал, что где лежит. В сундуках поблескивали груды золотых и серебряных монет арабской, персидской и греческой чеканки. Особенно много было сундуков с арабскими дирхемами – самыми ходовыми деньгами на торговых рынках Востока. Арабские монеты также имели хождение в Европе и на Руси. Отчеканенные арабами деньги были из серебра отменного качества, с ними не могли тягаться серебряные монеты европейских государств, где была плохо развита техника очистки серебра от примесей.

Выше арабских дирхемов купцами всех стран ценились только ромейские золотые солиды. Золотые солиды ромеев ходили и на Востоке, и на Западе. По этим монетам можно

было отслеживать время правления ромейских императоров. Всякий вновь взошедший на трон василевс ромеев начинал чеканить солиды со своим изображением.

Кроме золотых и серебряных монет в сундуках имелось великое множество различных украшений из золота, серебра и драгоценных камней. Перстни, ожерелья, диадемы, подвески, цепочки, фибулы аккуратно рассортированы и разложены по разным сундукам. Больше всего было сундуков с перстнями и женскими височными подвесками.

Немой восторг вызвали у Перегуда россыпи ограненных драгоценных камней: сапфиров, рубинов, изумрудов, топазов... Камни сверкали и переливались, озаренные пламенем светильников. С безумным смехом Перегуд запустил обе руки в сундук с таким богатством! Он горстями зачерпывал драгоценные камни, отливающие стекляннм блеском, искрящиеся всеми цветами радуги, и высыпал обратно в сундук. Камни сыпались дождем с дробным ледяным звуком. Перегуд хохотал, переполненный какой-то дикой радостью, продолжая загребать и высыпать льющийся между пальцами драгоценный дождь. Святослав был неприятно поражен, глядя на воеводу.

В другом сундуке были ссыпаны полудрагоценные самоцветы: яшма, агат, лазурит, нефрит, сердолик, бирюза... И от этого сундука Перегуда было не оторвать. Им владело нетерпеливое детское желание потрогать самоцветы руками, подержать их в пригоршнях.

– А ты жаден до богатств, воевода! – недовольно обронил Святослав. – Идем наверх! Хочу на кагана взглянуть, что он за птица.

Перегуд огорчился.

– Князю более пристало сокровищами любоваться, а не глазеть на побежденного врага. Да еще на столь жалкого!

Смысл сказанного Перегудом Святослав осознал, только увидев кагана воочию. В одной из комнат дворца сидел маленький человечек в желтых одеждах и зеленых башмаках с загнутыми носками. Его выпученные темные, как слива, глаза испуганно уставились на Святослава. Карлик кроил какую-то одежду, в руке у него были ножницы, а на коленях была разложена тонкая узорчатая ткань.

– Это и есть каган? – не скрывая своего изумления, спросил Святослав.

– Он и есть, – ворчливо отозвался вошедший следом Перегуд. – Я сам сначала очам не поверил, когда увидел этого недоростка. Однако слуги хазарские каганом его величают, почтение ему оказывают.

Святослава стал разбирать смех. Он резко повернулся и вышел из комнаты.

Все рабы-славяне, коих в Итиле было великое множество, волею Святослава обрели свободу и возможность вернуться на родину. Всем бывшим рабам выдавалась добротная одежда и деньги на дорогу в отчие края. Кто-то из бывших славянских невольников пожелал вернуться на Русь вместе с войском Святослава. Но были среди них и такие, кто немедленно отправился в путь, прибываясь к купеческим караванам, направлявшимся в земли славян.

В гареме кагана оказалась красивая молодая женщина из племени вятичей. Ее звали Верхуслава. Прознав, что Верхуслава является дочерью вятского князя Земомысла, Святослав пожелал встретиться с нею.

Верхуслава предстала перед Святославом, облаченная в одеяние, какие носят здешние женщины. На ней были широкие шаровары бледно-розового цвета, короткий, богато расширенный голубой кожух без рукавов плотно облегал ее стан, крепкий и гибкий. Наряд дополнялся широким алым поясом, длинные концы которого свисали спереди до колен. Светло-русые блестящие волосы Верхуславы были заплетены в длинную толстую косу. Ее пышная грудь с трудом умещалась под шелковой безрукавкой.

У дочери Земомысла было круглое румяное лицо с довольно широкими скулами, большие глаза, голубые, как незабудки, прямой нос и красиво очерченные уста. Все линии ее статной фигуры были подчеркнуты хазарским одеянием.

Верхуслава поприветствовала Святослава, по славянскому обычаю, поклоном. При этом от взора князя не укрылась белоснежная грудь молодой женщины, открывшаяся в разрезе безрукавки при наклоне вперед. Щеки Верхуславы порозовели еще больше, когда она заметила, куда направлен взгляд князя.

– Я виделся с твоим отцом перед походом на хазар, – заговорил Святослав, жестом приглашая Верхуславу присесть на скамью у окна. – Князь Земомысл показался мне мужем честным и благородным. Мы заключили с ним роту, что отныне вятичи будут платить дань мне, а не хазарам. Старейшины вятичей эту роту одобрили. Еще урядились мы с князем Земомыслом иметь общих друзей и врагов.

Святослав ненадолго умолк, заметив волнение на лице Верхуславы.

– Я могу вернуться в отчий дом? – проговорила она, не сводя с князя своих прекрасных глаз, вмиг наполнившихся слезами.

– Конечно, можешь, – с ободряющей улыбкой ответил Святослав. – То-то отец твой возрадуется!

Верхуслава закрыла лицо ладонями и разрыдалась.

Святослав смущенно прокашлялся и осторожно спросил:

– Сколько лет ты здесь мыкаешься, милая?

– Десятый год, – сквозь слезы ответила Верхуслава.

Чтобы унять эти бурные рыдания, Святослав подсел к Верхуславе и мягко обнял ее за плечи.

– Полно, горлица. Полно! – ласково промолвил князь. – Пришел конец твоим горестям и печалям. Домой поедешь! Соскучилась поди по отцу-матери?

Верхуслава обвила шею князя горячими руками, заплакав еще сильнее. Случившееся казалось ей чудом! Вот он – ее избавитель от постылой неволи! Дверные занавески бесшумно раздвинулись, между ними показалась голова Перегуда, глаза которого излучали сильнейшее любопытство. Святослав с молчаливым раздражением махнул на него рукой, мол, уйди, не до тебя сейчас! Голова Перегуда мигом исчезла.

Глава 8 Сфандра

Толпа разноплеменных купцов, прибывшая из Булгара в Киев, внесла смятение в умы простого люда и в особенности в настроения здешних бояр. Ощущение чего-то смутного и непредсказуемого витало в словах и мыслях, сомнения и догадки, как зловещие птицы, врывались в разговоры и споры, звучавшие в домах, на улицах, на торжище – повсюду.

Погруженный в раздумье, Калокир шел по улице, которая тянулась вверх по склону холма. Киев, застроенный деревянными домами, казался послу большой деревней по сравнению с городами ромеев, выстроенными из камня. На вершине холма у ворот в бревенчатой стене Калокира задержала стража, но тут же пропустила, увидев в руке у грека кусочек бересты с княжеской печатью.

В ветвях дубов и вязов громко звенели птичьи трели; солнце понемногу скатывалось к горизонту. В княжеском тереме веяло запахом кваса и легким ароматом высушенных трав; пучки чабреца и полыни висели по углам, как обереги от злых сил.

В Вышгороде Калокир встретил знакомого арабского купца, который своими глазами видел войско русов на улицах Итиля. Араб взалхлеб говорил о победах Святослава над хазарами и волжскими булгарами. Его восторги были вполне объяснимы. После долгой и упорной борьбы арабы так и не смогли сокрушить Хазарский каганат, который ныне трещал по швам под сокрушительными ударами славян.

Улеб встретил Калокира, снедаемый беспокойством, это было видно по его лицу. Он уже знал, что Калокир завтра поутру отплывает обратно в Царьград. Улеб сознавал, что эта внезапная спешка Калокира вызвана военными успехами Святослава на Волге. С этого Улеб и начал разговор с Калокиром.

– Поступки Святослава порой необъяснимы и непредсказуемы, – раздраженно молвил Улеб, не находя себе места. – Он любит держать всех вокруг в полном неведении относительно своих ближайших замыслов. Святослав часто повторяет, что главными его советниками являются боги, поскольку им все ведомо наперед. Никто не знает, что нашептывают Святославу жрецы, какие бредни вбивают ему в голову. У Святослава всегда от честолюбивых мыслей кружилась голова! Этот безумец способен на любое безрассудство!

– Может, ты плохо знаешь своего брата, князь? – проговорил Калокир, устало опускаясь на стул. – Может, Святослав не безумец, а хитрец и храбрец, каких поискать! Скажи честно, княже, у Святослава хватит сил и мужества разгромить державу хазар?

– Почем мне знать! – Улеб продолжал метаться по гриднице, как раненая птица. – У меня голова идет кругом! Бояре пристают ко мне с расспросами, родня Предславы покоя не дает, все спрашивают, что замыслил Святослав. Куда, к каким пределам ведет он полки? Но я-то ничего не знаю!.. – Улеб беспомощно разводил руками. – Я пребываю в таком же неведении, как и все вокруг.

Внезапно прозвучал решительный голос Сфандры, жены Улеба:

– А ты делай вид, что все свершенное Святославом на Волге для тебя ожидаемая весть. Пусть бояре и мужи градские полагают, что ты наперсник Святослава в помыслах его тайных. Тогда и почтения к тебе будет больше.

Сфандра вошла в гридницу со стороны лестницы, ведущей на второй ярус терема, в женские покои. При ее появлении Калокир встал и отвесил молодой женщине изящный поклон.

– Не по мне это: наводить тень на плетень. – Улеб мрачно сдвинул брови. – Еще неизвестно, чем обернется для Святослава война с хазарами. Святослав, может, все войско погубит и сам голову сложит, а мне тут отдуваться перед родней Предславы. Нет уж! Пусть все знают,

что я провожал Святослава в поход на вятичей, что война с булгарами и хазарами – это уже его затея.

– Надо бога молить, чтобы Святослав сгинул в войне с хазарами, – зло проговорила Сфандра, остановившись перед супругом. – Это расчистит тебе дорогу к трону. Пусть Святослав заберется хоть в Персию в погоне за ратной славой, тебе же от этого выгода, ибо брат твой смертен.

– Замолчи, глупая! – Улеб встряхнул Сфандру за плечи, так что та еле устояла на ногах. – Коль дойдут слова твои до Предславы, тогда наплачешься горячими слезами. Лучше сядь и помолчи!

Улеб силой усадил жену на скамью рядом с Калокиром.

– Супруга твоя истину молвит, – вступился за Сфандру Калокир. – Ежели падет Святослав в битве, трон киевский тебе достанется. Сыновья Святослава слишком малы. – Калокир сделал паузу и добавил: – Василевс ромеев этому будет токмо рад.

Улеб налил себе шипучего квасу в липовый ковш в форме гуся, но так и не отпил из него – взгляд Улеба приковался к Калокиру.

– Хочу верить, что в мой следующий приезд в Киев здесь будет править князь-христианин! – со значением выгнув бровь, промолвил Калокир. – С этим князем василевс охотно заключит новый, выгодный для Руси договор.

– Воистину, так будет справедливее всего! – прошептала Сфандра, в порыве благодарности стиснув руку Калокира в своих ладонях.

Прощание Калокира с Улебом вышло коротким.

Сфандра долго не хотела отпускать Калокира. Они стояли в сенях; красноватые лучи закатного солнца, пробиваясь в небольшие оконца, наполнили низкое помещение с толстыми потолочными балками радостными алыми отблесками.

Калокир глядел в такое близкое лицо Сфандры, в ее чудесные зеленоватые глаза, любясь ее прямым совершенным носом. Сфандра что-то торопливо говорила Калокиру, не спуская с него глаз, что-то про свою племянницу – «девицу красивую и сообразительную», – но Калокир плохо соображал в этот миг, чувствуя в себе огонь вождения. Он привлек Сфандру к себе и запечатал ей уста жадным поцелуем. Сфандра покорилась ему на какое-то мгновение, затем стала вырываться. Калокир разжал объятия. Они отстранились друг от друга. Сфандра наклонила голову. Калокир не мог понять, что выражает ее лицо.

Снизу глухо доносились голоса служанок, сталкивались краями деревянные ведра, звучали чьи-то быстрые шаги. Калокир молча взял Сфандру за руку. Она как-то лукаво взглянула на него. Этот взгляд мигом растопил ледок неуверенности в душе грека. Калокир наклонился к Сфандре, она сама подставила ему губы.

Такова уж была судьба Сфандры, что природа с избытком одарила ее теми чертами характера, которые служат истинными причинами людских разногласий. Узвленная гордость отдаляла Сфандру от мужа, ибо она видела его слабование и неуверенность в себе. Гордость Сфандры, возмущенная этой личной неудачей, порой доводила ее до полного отчуждения с супругом.

Гордость заставляла Сфандру терпеть унижения от родственников Предславы и от нее самой. С каждой неудачной попыткой Сфандры пробудить в Улебе пламя честолюбия ее чувство к нему все более увядало. Терпеливая сверх меры Сфандра чувствовала, что терпение ее истощается, перерастая в озлобление; в душе этой женщины не угасало ревнивое желание владеть безраздельной властью. Сфандра не мирилась с неудачами, бездействие ее угнетало.

На людях Сфандра совершала великодушные поступки, как истинная христианка, но втайне высмеивала свои добрые порывы. Лгать и притворяться было для Сфандры обычным делом. Безнравственные поступки не вызывали в ней отвращение, если поступки эти вели

к желанной цели. Именно по этой причине Сфандра отдалась Калокиру как похотливая служанка, в полутемном углу, на широкой жесткой скамье.

Опутанный паутиной безумной страсти Калокир яростно растрчивал свои силы, обладая Сфандрой, дивной в своей наготе. Калокир шумно дышал. Сфандра тоже задышалась. Глаза ее на раскрасневшемся лице горели, как звезды, пухлые пересохшие губы дрожали...

При каждом сладострастном стоне Калокира пальцы зеленоглазой женщины со светлорусыми растрепанными волосами сильнее впивались ему в плечи, а ее уста открывались шире, она сжимала его своими сильными бедрами, белевшими в душном полумраке, как чистый мрамор.

– О, божественная, дай мне слиться с тобой! Дай мне умереть от наслаждения! – задышавшись, вымолвил Калокир.

– Сливайся, но не умирай, – прошептала в ответ Сфандра.

От ее волос шел еле уловимый аромат – слабый, каким бывает запах цветка цикория.

Какое-то время они наслаждались покоем, распластавшись на плаще Калокира, брошенном прямо на пыльный пол. Затем, нарушая оцепенение, раздался негромкий голос Сфандры, которая опять заговорила о своей племяннице. Сфандра хотела, чтобы Калокир взял девушку с собой в Царьград и подыскал ей достойного мужа.

Калокиру это показалось дикостью и нелепицей. Однако он не стал огорчать отказом женщину с телом античной богини, только что подарившую ему всю себя без остатка.

Племянницу Сфандры звали Тюра. Ей было шестнадцать лет. Сфандра сама привела девушку на пристань у реки Почайны, чтобы посадить на греческое судно. Вместе с Тюрой в дальний путь отправлялись две молодые служанки и белобрысый юноша, как оказалось, ее брат.

Калокир был готов взять на борт женщин, но везти в Константинополь брата Тюры наотрез отказывался. Сфандра упрямо стояла на своем: Харальд поедет вместе с сестрой! Калокир должен пристроить его в телохранители василевса. Поскольку спор со Сфандрой явно затягивался и вокруг начала собираться толпа любопытных, Калокир решил уступить.

«Если бы Улеб обладал нравом своей супруги, он давно владел бы Киевом!» – думал Калокир, стоя на корме судна и глядя на удаляющийся берег.

На дощатой пристани, у самой ее кромки, стояла Сфандра, статная и высокая, укрытая широкими складками лилового плаща. Рассвет выдался довольно прохладный. На лбу Сфандры поверх белой накидки блестела золотая диадема, у висков покачивались круглые золотые подвески. За спиной у Сфандры толпилась свита и целая ватага зевак из простонародья. Калокир жестом подозвал к себе Харальда и Тюру.

– Помашите рукой своей тетке, которая проявила о вас столько заботы, – сказал грек брату и сестре. – Теперь вы не скоро увидите ее вновь. И Киев увидите не скоро. «Если вообще увидите!» – подумал про себя Калокир.

Брат и сестра подняли руки в прощальном жесте. Харальд выглядел хмурым. Тюра не скрывала слез. Вдалеке на высоком причале маячила одинокая женская фигура в белом платке, ее поднятая кверху рука плавно покачивалась над головой.

Толпа на пристани стала расходиться.

Мерно скрипели уключины, гребцы выгоняли крутобокую хеландию на середину реки. За кормой тянулся по темно-бирюзовой воде пенный след. Пахло водорослями и камышами. Тюра расплакалась навзрыд. Харальд обнял ее за плечи.

Далекая женская фигурка с поднятой рукой мелькнула последний раз и скрылась за поворотом реки. У Калокира тоскливо заныло сердце. С гораздо большей охотой он взял бы с собой в Константинополь зеленоглазую женщину с пухлыми губами и изящными пальцами, прикосновения которых к лицу Калокира навсегда останутся в его памяти, как и испытанное

им наслаждение, схожее с даром переменчивой Судьбы, явившей сластолюбцу образчик женского совершенства.

Глава 9

Битва при Кайтахе

Иосиф полагал, что богатства и роскошь хазарской столицы надолго задержат войско русов, а возможно – Иосиф хотел надеяться на это больше всего! – разграблением Итиля русы завершат свой поход в земли хазар. В прошлом все походы славян на юг имели целью опустошение городов. Добыча, взятая в Итиле, должна с лихвой насытить алчность вождей русов.

Святослав задержался в Итиле на четыре дня. Затем русское войско и печенеги двинулись дальше на юг, в сторону Серира. Эта плодородная страна лежала между восточными отрогами Кавказских гор и побережьем теплого Джурджанского моря. В давние времена именно здесь хазары создали свой племенной союз после ухода отсюда гуннов. В Серире зародился Хазарский каганат, после череды войн покоривший окрестные племена от Кавказа до Волги и Дона. Первой столицей хазарского государства стал город Семендер. В Семендере до сих пор сохранился древний дворец каганов, ныне принадлежащий местному эльтеберу, вассальному князю.

Живущие в Семендере хазары в большинстве своем исповедовали ислам. Приверженцев иудаизма среди купцов и здешней знати было немного. Вся власть в Семендере была у хазар-мусульман.

Сериром владело тюркское племя савиров, родственное хазарам. Савиры со временем перемешались с местными горными племенами дурдзуков и глигвов, среди которых было немало христиан. Вассальные князья Серира выговорили себе право не платить дань хазарскому кагану, но они были обязаны сражаться на стороне хазар по первому их зову.

Падение Итиля внесло раскол в племенную верхушку савиров. Среди эльтеберов больше не было единства. Кто-то не хотел помогать хазарам, желая навсегда избавиться от их зависимости. Кто-то, наоборот, рвался на помощь царю Иосифу, страшась нашествия славян на Серир. Здесь еще не забыли бесчинства русов, проходивших через Серир в Закавказье двадцать лет тому назад.

Иосиф привел свое усталое войско в Беленджер, второй по величине город Серира. Он собрал местную знать во дворце эльтебера. Предстояло обсудить, как не допустить русов в Серир. Душевные терзания изводили Иосифа: его прекрасная жена, его дети в руках Святослава! Только сокрушив войско русов, Иосиф сможет выволить свою семью из плена.

На совете знати Иосифа обступили лица, они обступили его толпой – красные, мясистые, жесткие и тупые; десятки, сотни лиц! Звучали речи чаще угодливые, но за этой угодливостью скрывалось желание отсидеться в стороне либо откупиться от русов данью. «Пусть забирают свое и уходят!» Вести со славянами беспощадную войну согласны были немногие.

Вот как обернулось для Иосифа благородство его отца, который дал Сериру привилегии, избавил от ежегодной дани в благодарность за победу над аланами. Тридцать лет тому назад аланы вздумали выйти из-под власти хазар. С невероятным трудом Аарону, отцу Иосифа, удалось разбить алан. В решающей битве блестяще проявила себя конница Серира. Станет ли ныне эта конница сражаться на стороне Иосифа?

Тоган, местный эльтебер, поддерживал Иосифа в его намерении встретить русов в степи на подходе к Сериру. Был объявлен сбор войска на торговой площади. Были посланы гонцы в Семендер.

Хазарские военачальники каждый день совещались, как заманить русов в ловушку, как привлечь на свою сторону горные племена. Иосиф не присутствовал на этих совещаниях. Душевные муки не давали ему возможности здраво рассуждать и взвешивать. Приходивший к брату Бецалел заставлял того либо расхаживающим из угла в угол с угрюмой печатью на лице, либо занятым заточкой сабли.

Наконец войско было собрано. Беленджер выставил три тысячи всадников и десять тысяч пехоты. Четыре тысячи конников пришло из Семендера во главе с Шаулом, тамошним эльтебером. Еще не вернулись гонцы от горных князей, а хазарское войско уже покинуло Беленджер. Русы стремительно приближались!

Иосиф прекрасно знал окрестные степи и солончаковые пустоши, неподалеку от этих мест находились кочевья его рода. Иосиф намеревался встретить войско русов за рекой Вадашан; аланы называют эту реку Кумой. Однако Святослав успел перейти Вадашан еще до того, как сюда подошло хазарское войско.

Иосиф расположился станом возле небольшого городка Кайтах. Живущие здесь хазары, напуганные приближением русов, бежали в горы, бросив жилища и все добро. С собой жители угнали только скот.

«До чего дошло! – с горечью думал Иосиф. – Хазары предпочитают прятаться в горах, нежели сражаться с врагом! Какое счастье, что этого не видит мой отец».

Иосиф бродил по пустому городищу вдоль глинобитных дувалов; крытые соломой приземистые хижины из камней жались одна к другой. Ветер скрипел распахнутыми дверями. Во многих домах еще не погасли угли в очагах.

«Ушли совсем недавно. – Иосифа грызла досада. – Знали, что хазарское войско где-то близко, и все равно ушли!»

Перемешавшись с окрестными племенами, хазары утратили свою воинственность. Это чувствовалось уже в царствование Аарона.

На землю ложились вечерние тени. Вдруг вдалеке раздался какой-то смутный звук – не то дыхание какого-то чудовища, не то отдаленный бой барабанов. Звук нарастал, он шел, казалось, со всех сторон. Усиливался, затихал, снова усиливался, таинственный и жуткий.

Иосиф настороженно прислушался, потом бегом устремился к глинобитной стене, окружающей городище. Он взбежал по ступеням на гребень стены и замер. У него сильно заколотилось сердце. С восточной стороны к Кайтаху приближались конные и пешие колонны славянской рати. Среди них можно было различить нестройные отряды конных печенегов, их крытые повозки.

* * *

Ночь Иосиф провел без сна. Он часто выходил из шатра и подолгу глядел туда, где далекими рыжими светляками мерцали костры в стане русов. Огней было много. Казалось, они запрудили полстепи.

Насилу дождавшись рассвета, Иосиф приказал трубить в трубы.

Хазарский стан ожил, зашевелился. Воины седлали коней, чистили оружие. Военачальники собрались у царского шатра. Иосиф вышел к ним в блестящем арабском панцире и таком же блестящем островерхом шлеме с маленькими крылышками. Он был в красном плаще, с саблей на поясе.

– Я сам поведу арсиев в битву, – объявил Иосиф. – Войску построиться, как всегда, в две линии. Где Арслан-бек? – Военачальник выступил вперед. – Возглавишь пехоту, друг мой. Конница Сарира займет правое крыло. Хазары и гузы встанут на левом крыле. Центр останется за арсиями.

После короткой молитвы военачальники поспешили к своим отрядам.

Густой топот надвигающейся конницы пробудил грозный гул в недрах земли. Над конницей реяли бунчуки и золотые диски на древках, боевые штандарты гузов и хазар. Конная масса растекалась по притихшей равнине, разворачиваясь широким фронтом. В чистом утреннем воздухе далеко разносились выкрики военачальников и всхрипывания идущих быстрым аллюром лошадей.

Русы и печенеги ждали хазар, построившись плотными шеренгами. Над этими шеренгами поблескивали на солнце острия тысяч копий.

Хазары подняли луки и стали осыпать русов тучами стрел.

Иосиф напряженно всматривался в боевой строй русов, укрытый большими красными щитами. В строю русов не было заметно павших, только щиты обрастали колючками вонзившихся стрел. По знаку Иосифа трубы заиграли атаку.

Конная лавина хазар стала набирать разбег. Арсии в тяжелых доспехах сразу вырвались вперед, их зеленое знамя трепетало на ветру. Иосиф яростно погонял белого арабского скакуна, чуть пригнувшись к его развевающейся гриве. Длинные шеренги русов были все ближе и ближе, там происходило какое-то движение – это наклонялись вперед частоколы копий.

Иосиф выхватил из ножен саблю. В следующий миг все перевернулось: небо, земля... Он летел куда-то вниз. Полуоглушенный падением, Иосиф не сразу сообразил, что произошло. Оказалось, его конь на всем скаку угодил передней ногой в нору суслика и перевернулся через голову. Жеребец силился подняться и не мог, у него была сломана правая нога.

Мимо с боевым кличем проносились арсии, размахивая саблями и стреляя из луков. То тут, то там приключалась та же беда: проваливаясь в сусличьи норы, кони арсиев с жалобным ржанием катились по земле, сминая наездников. Стиснув от злости зубы, Иосиф подошел к покалеченному белому жеребцу и одним ударом клинка прекратил его мучения.

Лес склоненных копий не остановил арсиев. Перескакивая через множество покалеченных лошадей и тела умирающих соратников, воины с полумесяцем на шлемах глубоко вклинились в боевые порядки славянской пехоты. В начавшейся свирепой рубке арсии и русичи выказывали необыкновенную стойкость и полное презрение к смерти. Мертвые и раненые громоздились друг на друге, крики и стоны тонули в беспощадном лязге железа, кони топтали копытами живых и павших.

Иосиф добрался до строя хазарской пехоты. Прикрыв глаза ладонью, он пытался определить, что происходит там, где сошлись грудь в грудь арсии и русы. К Иосифу приблизился Арслан-бек.

– Похоже, арсии прошли насквозь через войско русов. – Услышал Иосиф его голос, объятый волнением.

– Почему русы не бегут? – пробормотал Иосиф. – Почему продолжают сражаться?

Расступившись перед неустрашимыми арсиями, славянская пехота вновь сомкнула ряды и двинулась вперед. Стоявшие позади своей пехоты конные русы дружно ударили на арсиев.

Тем временем печенеги теснили гузов и хазар. Конное сражение раскатилось по всей равнине, разбившись на отдельные стычки немногочисленных разрозненных отрядов, на беспорядочные преследования отступающих, на перестрелки из луков.

Помочь своей коннице хазарская пехота не могла, поскольку более многочисленная пешая славянская рать стремительно теснила ее почти до самого хазарского стана. Только возле сцепленных повозок обоза хазарам удалось приостановить победное шествие русов. Вскоре битва перекинулась в лагерь. Здесь нашел свою смерть Арслан-бек. Пало много других знатных хазар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.